

КОРОНА ИЗ ЗОЛОТЫХ КОСТЕЙ

ДЖЕННИФЕР
АРМЕНТРОУТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА №1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

18+

Вселенная Крови и Пепла

Дженнифер Ли Арментроут
Корона из золотых костей

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 312.9
ББК 84(7Coe) 44

Арментроут Д.

Корона из золотых костей / Д. Арментроут — «Издательство АСТ», 2021 — (Вселенная Крови и Пепла)

ISBN 978-5-17-146350-2

Она была жертвой, и она выжила... Поппи и не мечтала найти любовь, какую она обрела с принцем Кастилом. Она хочет наслаждаться счастьем, но сначала они должны освободить его брата и найти Йена. Это опасная миссия с далеко идущими последствиями, о которых они и помыслить не могут. Ибо Поппи — Избранная, Благословленная. Истинная правительница Атлантии. В ней течет кровь короля богов. Корона и королевство по праву принадлежат ей. Враг и воин... Поппи всегда хотела только одного: управлять собственной жизнью, а не жизнями других. Но теперь она должна выбирать: отринуть то, что принадлежит ей по праву рождения, или принять позолоченную корону и стать королевой Плоти и Огня. Однако темные истории и кровавые секреты обоих королевств наконец выходят на свет, а давно забытая сила восстает и становится реальной угрозой. Враги не остановятся ни перед чем, чтобы корона никогда не оказалась на голове Поппи. Возлюбленный и сердечная пара... Но величайшая угроза ждет далеко на западе, там, где королева Крови и Пепла строит планы, сотни лет ожидая возможности, чтобы их воплотить. Поппи и Кастил должны совершить невозможное — отправиться в Страну богов и разбудить самого короля. По мере того, как раскрываются шокирующие тайны, выходят на свет жестокие предательства и появляются враги, угрожающие уничтожить все, за что боролись Поппи и Кастил, им предстоит узнать, как далеко они могут зайти ради своего народа — и ради друг друга. И теперь она станет королевой...

УДК 821.111- 312.9
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-146350-2

© Арментроут Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Об авторе	7
Благодарности	8
Посвящение	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дженнифер Арментроут

Корона из золотых костей

Copyright © 2021 by Jennifer Armentrout

© Наталия Луц, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Cover Design © Hang Le

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

Об авторе

Дженнифер – автор бестселлеров по версии New York Times и International Bestselling – живет в Шепердстауне в Западной Виргинии. Все слухи о ней не соответствуют действительности. Когда она не занята работой, то читает, смотрит по-настоящему страшные фильмы о зомби, делает вид, что пишет, и проводит время с мужем, вместе с бывшим полицейским псом Дизелем, шаловливым щенком бордер-джека Аполло, шестью рассудительными альпаками, четырьмя пушистыми овцами и двумя козами.

Мечтать о карьере писателя она начала еще в школе на уроках алгебры, когда большую часть времени писала рассказы... что объясняет ее плохие оценки по математике. Дженнифер пишет мистику для подростков, научную фантастику, фэнтези и современные любовные романы. Ее книги издаются в Tor Teen, Entangled Teen и Brazen, Disney/Hyperion и Harlequin Teen. Passionflix приобрели права на ее роман «Искушение», съемки должны были начаться в конце 2018 года. Остросюжетный любовный роман для подростков «Не оглядывайся» в 2014 году попал в номинацию за лучшую книгу для молодежи по версии YALSA, а роман «Проблема с вечностью» в 2017 году стал победителем RITA Award.

Кроме того, она пишет современные и фантастические любовные романы для взрослых под псевдонимом Дж. Линн. Они издаются в Entangled Brazen и HarperCollins.

Благодарности

Спасибо Лиз Берри, Джиллиан Стейн и М. Дж. Роуз, которые влюбились в этих персонажей и мир так же сильно, как и я. Спасибо моему агенту Кевану Лайону, а также Челль Олсон, Ким Гидроз, команде Blue Vox Press, Джен Уотсон и моей помощнице Стефани Браун за усердную работу и поддержку. Огромное спасибо Ханг Ли за такие прекрасные обложки. Большое спасибо Джен Фишер, Малиссе Кой, Стейси Морган, Лесе, Дж. Р. Уорд, Лауре Кайя, Андреа Джоун.

Сара Маас, Бриджид Кеммерер, К. А. Таккер, Тиджейн, Вонетта Янг, Мона Авард и многие другие – вы помогли мне сохранять рассудок и смеяться над трудностями. Спасибо команде ARC за поддержку и честные отзывы. Большое спасибо JLanders – лучшей читательской группе, какая может быть у писателя, и Blood and Ash Spoiler Group за то, что с вами было потрясающе редактировать, и за то, что вы такие замечательные.

Ничего из этого не было бы возможно
без тебя, читатель. Спасибо тебе.

Посвящение

Посвящаю героям – медицинским работникам; тем, кто оказывает первую помощь; работникам жизненно важных отраслей и исследователям, которые неустанно трудились по всему миру, чтобы спасать людей и держать магазины открытыми, сильно рискуя собственными жизнями и жизнями близких. Спасибо вам.

Глава 1

– Опустите мечи! – приказала королева Элоана и преклонила колено.

Ее волосы блестели на солнце как оникс. Необузданные эмоции рвались из нее и разливались на полу Покоев Никтоса – горькие и горячие, с привкусом душевной боли и бессильного гнева. Они потянулись ко мне, иголками закололи кожу и задели... что-то первозданное внутри меня.

– И склонитесь перед... перед последним потомком самых древних, той, что хранит в себе кровь короля богов. Склонитесь перед вашей новой королевой.

«Кровь короля богов? Ваша новая королева?» Бессмыслица. И ее слова, и то, что она сняла корону.

Я едва дышала, и прерывистое дыхание ранило горло. Я взглянула на мужчину, стоящего рядом с королевой Атлантии. Светловолосую голову короля по-прежнему украшала корона, и кости на ней оставались выгоревшими до белизны. Ничего похожего на блестящую позолоченную корону, которую королева сложила к ногам статуи Никтоса. Я скользнула взглядом по искаленным трупам, лежащим на когда-то безупречно белом полу. Это я расправилась с ними, добавив их кровь к той, что стекала с неба, заполняя тонкие трещинки в мраморе. Я не обращала на это внимания, не видела никого, *кроме него*.

Он оставался стоять, преклонив колено и глядя на меня через скрещенные перед грудью мечи. Влажные волосы, иссиня-черные на атлантианском солнце, вились на лбу, по коже песочного цвета. Красные струйки текли по высоким, резко очерченным скулам, гордому изгибу челюсти и по губам, из-за которых когда-то разбилось мое сердце. Губам, которые, благодаря правде, собрали эти осколки вместе. Яркие золотистые глаза встретились с моими. Даже склонившийся передо мной и такой неподвижный, что, казалось, даже не дышит, он напоминал мне дикого и поразительно красивого пещерного кота, которого я однажды в детстве видела в клетке во дворце королевы Илеаны.

Он представал передо мной во многих обликах. Незнакомцем в тускло освещенной комнате, который стал первым, кто меня поцеловал. Гвардейцем, который поклялся отдать за меня жизнь. Другом, который видел за вуалью Девы меня настоящую и вложил мне в руки меч, чтобы я могла защищаться, вместо того, чтобы усадить меня в золотую клетку. Легендой, окутанной тьмой и кошмарами. Тем, кто замыслил предать меня. Принцем королевства, считавшегося уничтоженным временем и войной. Тем, кто прошел через невообразимые ужасы и все же сумел собрать части себя прежнего. Братом, который пойдет на что угодно, совершит любое преступление, чтобы спасти свою семью. Свой народ. Человеком, который обнажил душу и раскрыл сердце передо мной – и только передо мной.

Моим первым.

Моим гвардейцем.

Моим другом.

Моим предателем.

Моим партнером.

Моим мужем.

Моей сердечной парой.

Моим всем.

Кастил Да'Нир, склонившись, смотрел на меня так, будто я единственный человек во всем королевстве. Мне больше не требовалось концентрироваться как раньше, чтобы знать, что он чувствует. Его чувства были полностью мне открыты. Его эмоции быстро сменялись, как в калейдоскопе, – холодные и терпкие, насыщенные и пряные, и сладкие, как ягоды в шоколаде.

ной глазури. Непреклонно жесткие и безжалостно нежные губы разомкнулись, приоткрывая кончики острых клыков.

– Моя королева, – выдохнул он, и два чувственных слова коснулись моей кожи. Мелодия его голоса уладила древнее существо внутри меня, которое хотело взять гнев и страх, исходящие от окружающих, повернуть и отправить назад, в самом деле дав повод для страха и увеличив число искалеченных трупов на полу. Уголок его губ изогнулся, и на правой щеке возникла глубокая ямочка.

При виде этой дурацкой – и обожаемой – ямочки меня охватило головокружительное облегчение, и мое тело содрогнулось. Я боялась, что он испугается, когда увидит, что я сделала. И не стала бы его в этом винить. То, что я совершила, ужаснуло бы кого угодно, только не Кастила. Жар, от которого его глаза приобрели цвет теплого меда, сказал мне: страх – последнее, что он сейчас испытывает. Это также немного тревожило. Но ведь он – Темный, пусть и не любит, когда его так называют.

Потрясение начало проходить, адреналин перестал бурлить. И когда все прошло, я поняла, как мне больно. Болели плечо и висок. Левая половина лица казалась опухшей, и это не имело отношения к старым шрамам. Тупая боль пульсировала в ногах и руках, тело ощущалось странно, а колени подгибались. Я покачнулась, обдуваемая теплым соленым ветром...

Кастил быстро поднялся. Мне не следовало удивляться, как стремительно он двигается, но я по-прежнему поражалась этому. В мгновение ока он вскочил, выпрямился и оказался рядом со мной. В этот момент произошло несколько событий.

Мужчины и женщины, которые стояли за родителями Кастила, одетые в такие же белые туники и свободные штаны, что и люди, лежащие на полу, тоже пришли в движение. Они вскинули мечи и переместились ближе к родителям Кастила, защищая их. Свет отразился от золотых обручей, украшающих их бицепсы. Некоторые потянулись к арбалетам, притороченным на спинах. Видимо, они были стражниками.

Вольвен, который показался мне самым большим из всех, каких я встречала, внезапно предупреждающе зарычал. Отец Киерана и Вонетты стоял справа от меня. Джаспер провел для нас с Кастилом брачный обряд в Пределе Спессы. Он присутствовал при том, как Никтос выразил свое одобрение, ненадолго превратив день в ночь. Но теперь этот вольвен с шерстью цвета стали скалил зубы, способные рвать плоть и ломать кости. Он предан Кастилу, и тем не менее интуиция подсказывала мне, что он предостерегает не только стражников.

Рычание также послышалось слева. В тени высокого кровавого дерева, за считанные секунды выросшего на том месте, куда попала моя кровь, крался, низко опустив голову, вольвен с палевым мехом. Его льдисто-голубые глаза радужно переливались. Киеран. Он злобно уставился на Кастила. Я не понимала, почему они так себя ведут по отношению к принцу, особенно Киеран. Он был связан с Кастилом с самого рождения и обязан повиноваться ему и защищать любой ценой. И его соединяли с Кастилом не только узы обязательств. Они братья, пусть не по крови, но по родству душ, и я знала, что они любят друг друга.

Но сейчас в том, как Киеран прижал уши, не читалось любви.

Меня охватило беспокойство, когда вольвен пригнулся и напряг мышцы на лапах, готовясь напасть... на Кастила.

У меня упало сердце. Неправильно. Тут все неправильно.

– Нет, – прохрипела я, едва узнавая собственный голос.

Киеран, похоже, не услышал меня или не придавал этому значения. Если бы он вел себя как обычно, я бы предположила, что он меня игнорирует, но сейчас все казалось иначе. И он был другим. Я никогда не видела, чтобы его глаза становились такими яркими, и с ними было что-то не так, потому что... теперь они не просто голубые. Зрачки светились серебристо-белым, и свечение просачивалось тонкими завитками в голубизну. Я резко повернула голову к Джасперу. Его глаза тоже изменились. Я уже видела этот странный свет. Так светилась моя кожа,

когда я исцеляла сломанные ноги Беккета – и такое же серебристое сияние исходило от меня несколько минут назад.

Кастила пронзил шок, пока он смотрел на вольвенов, а затем... я почувствовала исходящую от него волну облегчения.

– Вы знали.

Голос Кастила был полон благоговения, которого не чувствовал никто из людей за его спиной. С лица атлантианца с рыжевато-каштановыми волосами исчезла непринужденная усмешка. Эмиль смотрел на нас, вытаращив глаза и излучая сильный страх, как и Нейлл, который всегда казался абсолютно невозмутимым, даже в бою с превосходящим численностью противником.

Кастил медленно убрал мечи в ножны на боках и опустил руки.

– Вы все знали, что с ней что-то случилось. Вот почему...

Он осекся и крепко сжал челюсти.

Несколько стражников встали перед королем и королевой, скрыв их от нас...

Копна белого меха ринулась вперед. Делано поджал хвост и заскреб когтями по мрамору, а затем поднял голову и завыл. От этого жуткого, но одновременно прекрасного звука у меня волосы встали дыбом.

Вдалеке послышался слабый ответный лай, с каждой секундой становясь все громче. По земле прокатилась дрожь, от которой задрожала листва на высоких конусообразных деревьях, отделяющих храм от Бухты Сэйона. С ветвей взмыли птицы с желто-голубыми крыльями и разлетелись по небу.

– Проклятье. – Эмиль повернулся к ступеням храма и потянулся за мечами, висящими на боках. – Они ссылают весь проклятый город.

– Это все она, – сказал старый вольвен.

Глубокий шрам, проходящий через лоб Аластира, обозначился резче. Он стоял рядом со стражниками, окружившими родителей Кастила, и от него исходило мощное неверие.

– Это не она, – резко возразил Кастил.

– Но это так, – подтвердил король Валин, пристально глядя на меня. Его лицо – это лицо Кастила, каким оно однажды станет. – Они реагируют на нее. Вот почему вольвены, что были с нами на дороге, так внезапно обратились. Она позвала их.

– Я... я никого не звала, – сказала я Кастилу дрогнувшим голосом.

– Знаю. – Он поймал мой взгляд, и его тон смягчился.

– Но она звала, – настаивала его мать. – Может, ты этого не сознаешь, но ты призвала их.

Я перевела взгляд на нее, и у меня сжалось сердце. Она оказалась именно такой, какой я и представляла мать Кастила. Великолепной. Царственной. Могущей. Она сохраняла спокойствие и сейчас, преклонив колени, и когда только увидела меня и настойчиво спросила сына: «Что ты наделал? Кого ты привез?» Я поморщилась, опасаясь, что эти слова еще долго будут звучать в моей голове.

Черты Кастила заострились, взгляд золотистых глаз окинул мое лицо.

– Если идиоты за моей спиной опустят мечи вместо того, чтобы поднимать их на мою жену, на нас не набросится все поселение вольвенов, – резко бросил он. – Они всего лишь реагируют на угрозу.

– Ты прав, – согласился его отец, мягко поднимая жену на ноги. Подол ее сиреневого платья перепачкался в крови. – Но подумай, почему связанный с тобой вольвен защищает кого-то другого, а не тебя.

– Сейчас это меня меньше всего волнует, – ответил Кастил.

Топот сотен, если не больше, лап, приближался. Он же не всерьез? Его должно это волновать, потому что вопрос очень хороший.

– А должно бы, – предупредила его мать, и ее уверенный голос чуть дрогнул. – Узы разорваны.

Узы? Я перевела взгляд на ступени храма, к которым медленно пятился Эмиль. Нейлл уже вытащил свои мечи. У меня дрожали руки.

– Она права, – вымолвил Аластир. Кожа вокруг его рта побелела еще сильнее. – Я... я это чувствую – Первозданный нотам. Ее знак. Боги богов! – Его голос дрожал. Он шагнул назад, чуть не наступив на корону. – Они все разорваны.

Я понятия не имела, что такое нотам, но под замешательством и нарастающей паникой различила что-то странное в словах Аластира. Если это так, то почему он не обернулся в вольвена? Не потому ли, что много лет назад он уже разорвал вольвенские узы с прежним королем Атлантии?

– Посмотри на их глаза, – тихо велела королева, указывая на то, что я уже заметила. – Знаю, ты не понимаешь. Есть вещи, которые тебе незачем было знать, Хоук.

Ее голос задрожал при упоминании его уменьшительного имени – имени, которое я когда-то считала всего лишь ложью.

– Но что тебе сейчас нужно знать, так это то, что они больше не служат первичным. Ты не в безопасности. Пожалуйста, – умоляла она. – Пожалуйста. Послушай меня, Хоук.

– Как? – прокричала я. – Как могли разорваться узы?

– Сейчас это не имеет значения. – Янтарные глаза Кастила почти светились. – У тебя кровь идет, – сказал он, словно самой важной проблемой было это.

Но нет, важнее стало не это.

– Как? – повторила я.

– Это из-за того, кто ты. – Элоана сжала ткань юбки. – В тебе течет кровь бога...

– Я смертная, – сказала я.

Она покачала головой, и из узла ее темных волос выбился густой локон.

– Да, ты смертная, но ты производишь от божества – от детей богов. Что для этого нужно – капля божественной крови. – Она с силой сглотнула. – Может, в тебе есть что-то еще, но то, что содержится в твоей крови, в тебе, оказалось сильнее клятв вольвенов.

Я вспомнила, что Киеран рассказывал в Новом Пристанище о вольвенах. Боги даровали некогда диким волкам кийу облик смертных, чтобы те служили проводниками и защитниками детей богов – божеств. Кое-что из того, чем еще поделился тогда Киеран, объясняло реакцию королевы.

Я перевела взгляд на корону, лежащую у ног Никтоса. Капля крови божества оказалась самым весомым доводом в притязаниях на престол Атлантии.

О боги, я сейчас упаду в обморок. Насколько это будет неловко?

Элоана смотрела на напряженную спину сына.

– Ты подойдешь к ней? Сейчас? Они увидят в тебе угрозу для нее. И разорвут тебя на куски.

Мое сердце остановилось. Судя по виду Кастила, именно это он и собирается сделать. Позади меня один из небольших вольвенов с лаем подался вперед, оскалив зубы.

Все мышцы в моем теле напряглись.

– Кастил...

– Все хорошо. – Кастил не сводил с меня глаз. – Никто не причинит вреда Поппи. Я этого не позволю. – Его грудь резко вздымалась, пока он тяжело дышал. – И ты это знаешь, да?

Я кивнула. Это единственное, что я понимала в тот момент. Мое дыхание было частым и поверхностным.

– Все в порядке. Они просто защищают тебя. – Кастил улыбнулся, но улыбка получилась напряженной и натянутой. Он повернулся туда, где слева от меня стоял Киеран. – Я не понимаю всего, что сейчас происходит, но ты – все вы – хотите защищать ее. И я тоже. Ты знаешь, что

я никогда не причиню ей вреда. Я скорее вырву собственное сердце. Она ранена. Мне нужно убедиться, что с ней все в порядке, и ничто меня не остановит.

Он не моргая смотрел Киерану в глаза, а топот лап вольверов достиг ступеней храма.

– Даже ты. Любой из вас. Я уничтожу каждого, кто встанет между нею и мной.

Рычание Киерана стало громче, и на меня хлынули эмоции, которых я раньше никогда от него не ощущала. Похожие на гнев, но гораздо древнее. Такие же, как и гул моей крови. Что-то древнее. Первозданное.

Возможные события мгновенно пронеслись в моей голове, словно действительно происходили передо мной. Киеран нападет. Или же нападет Джаспер. Я видела, какие раны могут наносить вольверы, но с Кастилом не так легко справиться. Он сделает то, что пообещал. Прорвется через всех, кто стоит между ним и мной. Вольверы погибнут, а если он причинит вред Киерану или сделает что-то похуже, вольверская кровь окажется не только у него на руках. Она до конца дней запятнает его душу.

Вольверы затопили ступени храма. Большие и маленькие, самых разных окрасов. И я с ужасом осознала. Кастил невероятно силен и немыслимо быстр. Он уложит многих. Но сам падет с ними.

Он погибнет.

Погибнет из-за меня, потому что я призвала вольверов и не знаю, как это остановить. Мое сердце беспорядочно заколотилось. Вольвер возле ступенек наткнулся на Эмиля, который продолжал пятиться. Еще один добрался до Нейлла, который мягко заговорил с ним, пытаясь успокоить зверя. Остальные нацелились на стражников, окруживших короля с королевой, а несколько... О боги, несколько вольверов подкрадывались сзади к Кастилу. Все скатилось в хаос, вольверы вышли из-под контроля...

Я резко втянула воздух, лихорадочно соображая и вырываясь из хватки боли и тревоги. Во мне произошло что-то такое, что заставило силу, исходящую от капли божественной крови, разорвать узы. Я стерла их прежние клятвы, и... и это означало, что теперь они повинуются мне.

– Стоять! – приказала я, когда Киеран щелкнул челюстями на Кастила, который в ответ оскалил зубы. – Киеран! Стой! Ты не причинишь вреда Кастилу! – Я повысила голос; в моей крови проявился приглушенный гул. – Всем стоять. Сейчас же! Никто из вас не нападет.

В головах вольверов словно щелкнул переключатель. Только что они были готовы к нападению, и вот каждый упал на брюхо и опустил голову между передних лап. Я все еще чувствовала их ярость, древнюю силу, но она уже уменьшалась и спадала мерными волнами.

Эмиль опустил меч.

– Это... это было вовремя. Спасибо.

Я прерывисто выдохнула. По рукам до самых плеч пробежала дрожь. Я обвела взглядом храм – все вольверы лежали. Я поверить не могла, что это сработало. Все мое существо хотело восстать против того, чтобы и дальше подтверждать заявление королевы, но, боги, было столько всего, что я не могла отрицать. С пересохшим горлом я посмотрела на Кастила.

Он уставился на меня, округлив глаза. Я не могла дышать. Мое сердце так и не замедлилось настолько, чтобы я ощутила то, что он чувствует.

– Он не причинит мне вреда. Вы все это знаете, – произнесла я дрожащим голосом, глядя на Джаспера, а затем на Киерана. – Ты сам говорил мне, что он единственный в обоих королевствах, с кем я безопасна. Это не изменилось.

Дернув ушами, Киеран поднялся и попятился. Развернувшись, он ткнулся носом в мою руку.

– Спасибо, – прошептала я, на миг закрыв глаза.

– Просто чтобы ты знала, – пробормотал Кастил, опуская густые ресницы. – Что ты только что сделала? Сказала? Я чувствую сейчас много всего, что дико неуместно в данный момент.

Я издала слабый, дрожащий смешок.

– С тобой явно что-то не в порядке.

– Знаю. – Он изогнул губы так, что над левым уголком появилась ямочка. – Но ты любишь это во мне.

Люблю. Боги, правда люблю.

Джаспер встряхнулся и обратил большую голову к нам с Кастилом. Потом повернулся боком, издав грубое пыхтение. Другие вольвены зашевелились, вышли из-за кровавого дерева. Я наблюдала, как они прошли мимо меня, Кастила и остальных, наострив уши и виляя хвостами, присоединились к тем, которые спускались по ступеням, и покинули храм. Из вольвенов остались только Джаспер, его сын и Делано. Ощущение хаотичного напряжения спало.

На лоб Кастила упал локон темных волос.

– Ты опять светишься серебром. Когда приказала вольвенам стоять. Не сильно, не как прежде, но ты напоминала луч лунного света.

Правда? Я посмотрела на свои руки. Они выглядели как обычно.

– Я... я не знаю, что случилось, – прошептала я. У меня подкашивались ноги. – Не знаю, что происходит.

Я подняла взгляд на Кастила. Он сделал шаг вперед, потом еще. Никакого предостерегающего рычания. Ничего. У меня начало гореть горло. Я почувствовала, как слезы подступают к глазам. Мне нельзя плакать. И я не буду. Царит полная неразбериха, не хватает мне еще и зарыдать. Но я так устала. Мне было больно, и не только физически.

Как только я вступила в храм и посмотрела на чистые воды моря Сэйона, я почувствовала себя дома. И знала, что будет нелегко. Доказать, что наш союз настоящий, будет и близко не так трудно, как добиться одобрения родителей Кастила и всего королевства. И нам по-прежнему нужно найти его брата, принца Малика. И моего брата. Нам придется иметь дело с королевой и королем Вознесшихся. Будущее не сулило ничего легкого, но у меня была надежда.

Я чувствовала себя наивной дурой. Пожилой вольвен в Пределе Спессы, которого я исцелила после битвы, предупреждал меня насчет народа Атлантии. «Они тебя не выбирали». И я сомневалась, что когда-либо выберут.

Я сделала судорожный вдох и прошептала:

– Я ничего этого не хотела.

Губы Кастила напряженно сжались.

– Знаю.

Его голос был грубым, но прикосновения – мягкими, когда он поднес ладонь к моей щеке. Он прижался лбом к моему лбу, и по мне волной прокатилась знакомая дрожь от ощущения его кожи на моей. Он зарылся пальцами в мои спутанные волосы.

– Знаю, принцесса, – прошептал он, и я крепко зажмурилась, чтобы справиться со слезами. – Все хорошо. Все будет хорошо. Обещаю.

Я кивнула, хотя знала, что он не может это гарантировать. Больше не может. Я заставила себя сглотнуть подступивший к горлу клубок эмоций.

Кастил поцеловал мой окровавленный лоб и поднял голову.

– Эмиль? Можешь сходить к лошадям Делано и Киерана и принести их одежду, чтобы они могли обернуться и никого не оскорбить своим видом?

– С превеликой радостью, – отозвался атлантианец.

Я чуть не рассмеялась.

– Думаю, нагота будет наименее оскорбительной из всего, что сегодня произошло.

Кастил ничего не сказал и опять коснулся моей щеки, мягко наклонив мою голову набок. Его взгляд упал на камни, разбросанные у моих ног. На его скулах заходили желваки. Он поймал мой взгляд, и я увидела, что его зрачки расширились, оставив лишь тонкую полоску янтаря.

– Они кидали в тебя камни?

Я услышала тихий вздох – наверное, его матери, но не оглянулась. Не хотела видеть их лица. Не хотела знать, что они сейчас чувствуют.

– Они обвинили меня, что я действую в пользу Вознесшихся, и называли меня Пожирательницей душ. Я сказала, что не Пожирательница душ. Я пыталась с ними поговорить.

Слова хлынули из меня потоком. Я подняла руки, чтобы коснуться Кастила, но остановилась. Я не знала, что может причинить мое прикосновение. Проклятье, я не знала, что могу сделать, даже не прикасаясь к человеку.

– Я пыталась их успокоить, но они начали кидать камни. Я просила, чтобы они прекратили. Сказала: «Довольно» – и... и не знаю, что сделала... – Я попыталась взглянуть через плечо Кастила, но он, похоже, знал, чего я ищу, и помешал мне. – Я не собиралась их убивать.

– Ты защищалась. – Он поймал мой взгляд, и его зрачки сузились. – Ты сделала то, что следовало. Ты защищалась...

– Но я не прикасалась к ним, Кастил, – прошептала я. – Это было как во время битвы в Пределе Спессы. Помнишь, как нас окружили солдаты? Когда они ринулись на нас, я почувствовала что-то внутри. И почувствовала это же здесь. Будто что-то внутри меня знало, что делать. Я взяла их гнев и... сделала именно то, что делали Пожиратели душ. Я взяла их гнев и отправила обратно.

– Ты не Пожирательница душ, – сказала где-то рядом Элоана. – В момент, когда итер в твоей крови стал виден, нападавшие должны были понять, кто ты.

– Итер?

– Некоторые называют это магией, – пояснил Кастил и переместился, словно заслоняя меня от матери. – Ты это уже видела.

– Туман?

Он кивнул.

– Это сущность богов, она есть в их крови и дает им способность и силу создавать все, что они создали. Никто больше так это не называет с тех пор, как боги уснули, а божества вымерли. – Он попытался заглянуть мне в глаза. – Мне следовало знать. Боги, мне следовало это увидеть...

– Это ты сейчас так говоришь, – вмешалась его мать. – Но с чего бы тебе пришла в голову мысль, что такое возможно? Такого никто не ожидал.

– Кроме тебя, – ответил Кастил.

Он был прав. Она знала, без сомнений. Конечно, я светилась, когда она пришла, но она знала наверняка.

– Я могу объяснить, – сказала она, но вернулся Эмиль, неся две седельные сумки.

Он обошел всех нас по широкой дуге, бросил их перед Джаспером и удалился.

– По-видимому, объяснить нужно многое, – холодно заметил Кастил. – Но это подождет. Его взгляд пробежал по моей левой щеке, и на его скулах опять заходили желваки.

– Нужно отвести тебя в безопасное место, где я... Где я могу о тебе позаботиться.

– Можешь отвести ее в свои прежние комнаты в моем доме, – объявил Джаспер, напугав меня.

Я даже не услышала, как он менял облик. Я стала оборачиваться в его сторону, но заметила голую кожу. Джаспер поднимал свою сумку.

– Сгодится. – Кастил взял у него пару штанов. – Спасибо.

– Ты будешь там в безопасности? – спросила я, и губы Кастила тронула ироничная усмешка.

– Он будет там в безопасности, – ответил Киеран.

Удивленная, я обернулась, услышав его голос. И не остановилась, увидев его смуглую обнаженную кожу. Однако он стоял так, будто не оказался голым перед всеми оставшимися. В

кои-то веки я легко проигнорировала его наготу. Я посмотрела ему в глаза. Он были обычными – яркими, пронзительно голубыми, без серебристо-белой ауры.

– Ты собирался напасть на Кастила.

Киеран кивнул, забирая у него штаны.

– И наверняка бы напал, – подтвердил Кастил.

Я повернулась к мужу.

– А ты угрожал его уничтожить.

На его левой щеке опять появилась ямочка.

– Да.

– Почему ты улыбаешься? Тут нет ничего смешного. – Я уставилась на него, и мои глаза обожгли дурацкие слезы. Мне было все равно, что мы на людях. – Такое никогда больше не повторится. Ты меня слышишь?

Я развернулась к Киерану, который выгнул бровь, натягивая штаны на стройные бедра.

– Вы оба слышите меня? Я этого не позволю. Я не...

– Ш-ш. – Легкое прикосновение Кастила к моей щеке заставило меня взглянуть на него. Он шагнул и оказался так близко, что при каждом вдохе его грудь касалась моей. – Поппи, такого больше не случится. – Он провел большим пальцем по моей щеке. – Верно?

– Верно. – Киеран прочистил горло. – Я не...

Он замолчал.

Но заговорил его отец.

– Пока принц не даст нам повода действовать иначе, мы будем защищать его так же отважно, как и тебя.

Мы. Вся раса вольвенов. Вот что имел в виду Аластир, когда сказал, что все узы разорваны. У меня возникло множество вопросов, но я уткнулась в грудь Кастила. Я больше не чувствовала обжигающей боли в голове. Все потеряло значение: я дышала, ощущая только аромат пряных специй и хвои. Кастил осторожно сомкнул руки на моей спине, и мне показалось... что он вздрогнул.

– Погодите, – сказал Киеран. – А где Беккет? Он был с тобой, когда ты ушла гулять.

Кастил слегка отодвинулся.

– И правда. Он предложил показать тебе храм. – Прищурившись, он посмотрел на меня. – Он привел тебя сюда.

По моей коже побежали мурашки. Беккет. На грудь словно опустили тяжелый камень, когда я подумала о юном вольвене, который большую часть путешествия гонялся за бабочками. Я все еще не могла поверить, что он привел меня в это место, зная, что меня ждет. Но я помнила горький вкус его страха в тот день в Пределе Спессы. Он боялся меня.

Или чего-то другого?

Его эмоции находились в крайнем беспорядке. Сначала он держался со мной как обычно, радовался и улыбался, а когда привел сюда, вдруг стал встревоженным.

– Он исчез перед тем, как появились другие, – сказала я Кастилу. – Я не знаю, куда он делся.

– Найди Беккета, – приказал он Делано, и тот, еще в облике вольвена, склонил голову. – Нейлл? Эмиль? Идите с ним. Убедитесь, чтобы Беккета привели ко мне живым.

Оба атлантианца кивнули и поклонились. Ничего в тоне Кастила не предполагало, что «привести живым» можно было считать добрым знаком.

– Он всего лишь ребенок. – Я проследила взглядом, как Делано побежал и скоро исчез вместе с Нейллом и Эмилем. – Он был напуган. И теперь, когда я об этом думаю...

– Поппи. – Кастил осторожно потрогал мою щеку и, наклонив голову, коснулся губами пореза. – Я хочу сделать два заявления. Если Беккет имеет к этому какое-то отношение, меня не волнует, кто он, и уж тем более не волнует, что он чувствует.

Он повысил голос, чтобы все оставшиеся в храме, включая его родителей, слышали:

– Любой, кто действует против моей жены, объявляет войну мне. Его судьба уже пред-
решена. И второе.

Он нагнулся ниже и коснулся моих губ в легчайшем поцелуе. Я едва ощутила касание, но у меня внутри все сжалось. Кастил поднял голову, и я увидела, что черты его лица застыли в настороженном ожидании хищника, нацелившегося на добычу. Я уже видела такое выражение в Новом Пристанище перед тем, как он вырвал сердце из груди Лэнделла.

Кастил повернул голову, глядя на единственного оставшегося вольвена, который стоял на двух ногах.

– Ты.

Глава 2

Аластир Дэвенуэлл был советником родителей Кастила. Когда король Малек вознес свою любовницу Избет, именно Аластир предупредил королеву Элоану, разорвав узы, связывавшие его с ныне изгнанным и, скорее всего, умершим королем. Только боги знают, сколько атлантианцев Аластир спас за те годы, что помогал им сбежать из Солиса, от Вознесшихся, которые использовали их кровь, чтобы создавать новых вампиров.

Кто знает, как бы все обернулось для моих родителей, если бы они нашли Аластира? Может, они бы не погибли, а жили счастливой и полной жизнью в Атлантии. И мой брат Йен тоже был бы здесь. А сейчас он в Карсодонии и, скорее всего, стал одним из них – Вознесшимся.

Я тяжело сглотнула, отбрасывая эти мысли прочь. Сейчас не время. Мне нравился Аластир. Он с самого начала был добр ко мне. Но, что важнее, я знала, что Кастил уважал и любил этого вольвена. Если Аластир приложил руку к тому, что произошло сегодня, это глубоко ранит Кастила.

Честно говоря, я надеялась, что ни Аластир, ни Беккет не имеют к этому никакого отношения, но давно перестала верить в совпадения. Я вспомнила ночь прибытия Вознесшихся в Предел Спессы. Я тогда узнала об Аластире нечто такое, что мне сильно не понравилось. Все это отошло в тень с появлением Вознесшихся и дальнейшими событиями, но сейчас снова выступило на первый план.

Кастил когда-то собирался жениться на Ши – дочери Аластира, но потом Вознесшиеся взяли Кастила в плен, и Ши предала его и его брата, чтобы спасти собственную жизнь. Все, в том числе Аластир, считали, что Ши погибла героически, но я знала страшную правду о ее смерти. Однако у советника была внучатая племянница, вольвенка, и Аластир и король Валин надеялись, что Кастил женится на ней, вернувшись в королевство. Аластир обмолвился об этом на званом ужине, утверждая, будто считал, что Кастил рассказал мне об этом. Я не была так уверена, что он сам в это верил, но это к делу не относилось.

Неужели мне одной все это показалось... странным? Дочь Аластира? А теперь его внучатая племянница? Я сомневалась, что в Атлантии не было других вольвенков, которые прекрасно бы подошли в жены Кастилу, особенно учитывая, что он не выражал заинтересованности в предлагаемом союзе.

Ничто из этого не указывало на вину Аластира, но выглядело подозрительно.

Вольвен устался на Кастила как громом пораженный.

– Не знаю, что, по твоему мнению, натворил Беккет и какое это имеет отношение ко мне, но мой племянник никогда бы не принял участие в чем-то подобном. Он всего лишь щенок. И я бы...

– Заткнись, – прорычал Кастил. Я выглянула из-за его плеча.

Вольвен побледнел.

– Кастил...

– Не заставляй меня повторять, – перебил он и повернулся к стражникам. – Схватить Аластира.

– Что? – взорвался Аластир.

Часть стражников повернулась к нему, тогда как остальные нервно переводили взгляды с Кастила на короля с королевой, которым поклялись в верности.

Король, прищурившись, посмотрел на сына.

– Насколько нам известно, Аластир не совершил никаких преступлений.

– Может и нет. Может, он абсолютно невиновен, как и его внучатый племянник. Но пока не буду в этом уверен, я хочу, чтобы его задержали, – заявил Кастил. – Схватите его, или это сделаю я.

Аластир шагнул вперед, приглушенно рыча. Его мышцы напряглись под кожей. Стражники нервно переминались с ноги на ногу.

– Погодите! – воскликнул Аластир. Его щеки покрылись пятнами от гнева. – У него нет никакой власти отдавать приказы страже короны.

Я думала, что стража короны – это аналог королевской гвардии, которая служила Вознесшимся. Та тоже подчинялась только приказам королевы Илеаны и короля Джалары, а также Вознесшимся, которые правили городами или селениями.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, хотя так не думаю, но произошли странные события, – сказал Кастил, и я наморщила лоб. – Моя мать сняла корону и велела всем склониться перед новой королевой – которая приходится мне женой. Следовательно, согласно атлантианской традиции, это делает меня королем, на чьей бы голове ни лежала корона.

У меня сжалось сердце. Король. Королева. Неужели это мы?

– Ты никогда не хотел престола и всех атрибутов короны, – бросил Аластир. – Ты десятилетиями пытался освободить брата, чтобы на трон взошел он, и тем не менее сейчас заявляешь о своих притязаниях? Значит, ты в самом деле отказался от попыток спасти брата?

Я резко втянула воздух – меня затопил гнев. Кому как не Аластиру знать, как много значит для Кастила найти и освободить Малика? Его слова глубоко ранили. Я почувствовала от Кастила то же, что и в тот раз, когда впервые увидела его, – мучительную боль, как от порезов осколками льда. Кастил всегда испытывал боль, и хотя она стихала с каждым прожитым днем, страдание из-за потери брата всегда было рядом. Лишь недавно он позволил себе чувствовать не только вину, стыд и боль.

Я даже не осознала, как двинулась вперед, пока не увидела, что вышла из тени кровавого дерева.

– Кастил не отказался от спасения Малика, – резко сказала я, а потом нащупала проклятый кинжал и швырнула его через храм. – Мы найдем его и освободим. Малик тут совершенно не при чем.

– О боги! – Элоана прижала ладонь ко рту, поворачиваясь к сыну.

Черты ее лица напряглись от боли, и от нее мощными волнами хлынула глубочайшая печаль. Я не могла этого видеть, но ее горе следовало за ней такой же неотступной тенью, как и за Кастилом. Оно билось о меня, царапало кожу, как холодное разбитое стекло.

– Хоук, что ты наделал?

Я закрыла связь с матерью Кастила прежде, чем ее страдание оглушит меня, и переключила внимание на Валина. Его окружала неровная пульсация горя, пронзенная волной острого, как перец, отчаянного гнева. Но он закрылся от меня с силой, которой я не могла не восхищаться и даже завидовать. Склонившись, он прошептал что-то на ухо жене. Закрыв глаза, она кивнула.

О боги, мне не следовало этого говорить.

– Простите. – Я крепко сцепила руки. – Я не...

– Тебе не за что извиняться, – сказал Кастил, оглядываясь и встречаясь со мной взглядом. От него исходило что-то теплое и сладкое, пересилившее ледяную боль.

– Это мне следует извиняться, – мрачно заявил Аластир, удивив меня. – Не нужно было впутывать во все это Малика. Ты права.

Кастил смерил его взглядом, и я поняла – он не знает, что делать с его извинением. И я не знала. Поэтому Кастил обратил внимание на родителей.

– Знаю, что вы, скорее всего, думаете. Аластир тоже так считает. Вы думаете, что мой брак с Пенеллаф – еще одна бесполезная попытка освободить Малика.

– А разве нет? – прошептала его мать. Ее глаза наполнились слезами. – Мы знаем, что ты захватил ее, чтобы использовать.

– Да, – подтвердил Кастил. – Но поженились мы не поэтому. Не поэтому мы вместе.

Когда-то мне было тяжело все это слышать. Правда о том, как мы с Кастилом оказались здесь, неприятна, но больше не заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Я опустила взгляд на кольцо на указательном пальце и на яркий золотой завиток, проходящий через левую ладонь. Уголки моих губ поднялись. Кастил пришел за мной, намереваясь меня использовать, но его планы изменились задолго до того, как кто-то из нас это осознал. Вопрос «как» больше не имел значения.

– Хотелось бы в это верить, – прошептала его мать.

Ее беспокойство казалось гнетущим, как колющее тяжелое одеяло. Может, она и хотела бы верить, но, совершенно очевидно, не верила.

– Это нам тоже нужно обсудить. – Валин откашлялся, и стало ясно, что он тоже сомневается в мотивах сына. – А на данный момент ты не король, а она не королева. Элоана погорячилась, когда сняла корону.

Он сжал плечи жены. То, как она поморщилась при словах мужа, задело меня до глубины души.

– Для этого должна состояться коронация, и пройти так, чтобы ничто не вызывало сомнений.

– Не вызывало сомнений в ее притязаниях? – рассмеялся Джаспер, сложив руки на груди. – Даже если бы она не была замужем за наследником, ее притязания неоспоримы. Вы это знаете. Мы все это знаем.

У меня в животе возникло то же ощущение, как когда я стояла на краю обрыва в горах Скотос. Я не хочу престола. И Кастил тоже.

– Даже если и так, – протянул Валин, прищулив глаза, – пока мы не выясним, кто замешан в этом деле и не обсудим все, Аластир будет содержаться в надежном месте.

Аластир повернулся к нему.

– Что...

– То, что ты должен принять с благодарностью. – Валин одним взглядом заставил вольвена замолчать, и стало ясно, у кого Кастил перенял свои способности. – Это для твоего блага и для блага всех. Будешь возражать – и, я уверен, Джаспер, Киеран или мой сын в мгновение ока вцепятся тебе в глотку. И я не могу пообещать, что стану останавливать любого из них.

Кастил опустил голову с ледяной, как первое дыхание зимы, улыбкой. Показались кончики его клыков.

– Это буду я.

Аластир переводил взгляд с Джаспера на принца. Он стоял, опустив руки, его грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Лыдисто-голубые глаза вперились в Кастила.

– Ты мне как сын. Ты был бы мне сыном, если бы судьба не распорядилась иначе.

Я знала, что он думает о дочери. Искренность его слов, свежая боль, глубоко врезавшаяся в душу и ощущавшаяся как ледяной дождь, только усилились, когда Кастил ничего не ответил. Меня поразило, как Аластиру удавалось скрывать от меня боль такой силы.

– Правда о том, что здесь происходит, выйдет наружу. Все узнают, что я не представляю угрозы.

Уставившись на Аластира, я почувствовала – волну... целеустремленности и стальной решимости, горячо пульсирующую в его венах. Это промелькнуло лишь на мгновение, но вспыхнувший во мне инстинкт прокричал предупреждение, которое я не вполне поняла. Я шагнула вперед.

– Кастил...

Но я оказалась недостаточно быстрой.

– Защитите короля с королевой! – скомандовал Аластир.

Несколько стражников окружили родителей Кастила. Один из них потянулся за спину. Валин резко развернулся.

– Нет!

Джаспер ринулся вперед, в прыжке меняя облик. Элоана издала хриплый крик.

– Нет!

Стрела ударила вольвена в плечо, остановив его в полете. Он упал и, прежде чем рухнуть на треснувший мрамор, обернулся в смертного. Я в ужасе отшатнулась, а Джаспер замер, и по его коже растеклась серая бледность. Неужели?..

Я похолодела, услышав пронзительный вой и рычание у подножия храма. Другие вольвены...

В воздухе просвистела стрела, ударив Киерана, который прыгнул ко мне. Я повернулась к вольвену, и крик застрял у меня в горле. Ему удалось приземлиться на ноги, его спина резко выпрямилась, а затем согнулась. Жилы на шее вздулись. Глаза с сияющими серебристо-голубыми радужками поймали мой взгляд. Он потянулся к стреле в плече – с тонкого древка сочилась сероватая жидкость.

– Беги, – прорычал он, скованно шагнув ко мне. – Беги.

Я бросилась к нему и схватила под руку – у него подогнулись ноги. Его кожа – боги! – его кожа была холодной как лед. Я попыталась удержать его, но он оказался для меня слишком тяжелым и упал навзничь. Кастил подскочил ко мне и обхватил рукой мою талию. Я в ужасе смотрела, как по смуглой коже Киерана расплзается серая бледность, и я... ничего не чувствовала. Ни от него, ни от Джаспера. Они не... этого не может быть.

– Киеран?..

Кастил заслонил меня собой и из него вырвался бешеный рев со вкусом обжигающе-ледяной ярости. Что-то ударило его и оторвало от меня. Его мать пронзительно закричала. Я резко повернула голову: королева Элоана двинула локтем стражнику в лицо. Треснула кость, и королева ринулась вперед, но другой стражник обхватил ее сзади.

– Прекратите! Прекратите немедленно! – крикнула она. – Я приказываю!

Ужас вцепился в меня когтями – я увидела торчащую из поясницы Кастила стрелу, с которой стекало странное серое вещество. Но он все еще стоял впереди меня с мечом в руке. Звуки, которые он издавал, сулили смерть. Он шагнул вперед...

От входа в храм прилетела еще одна стрела, попав в плечо Кастила. Валин вонзил меч в живот мужчины с луком в руках. Очередная стрела пронзила ногу Кастила и отшвырнула его назад. Я подхватила его за талию, когда он потерял равновесие, но, как и Киеран, он был слишком тяжелым. Кастил рухнул на пол, его меч звякнул о мрамор. Все его тело напряглось, он откинул назад голову, жилы на шее вспучились. Я упала рядом с ним, даже не почувствовав удара коленями. Из его ран текла серая жидкость, смешиваясь с кровью. Он оскалился, обнажив клыки. Вены под его кожей набухли и потемнели.

Нет! Нет! Нет!

Я не могла дышать, глядя в его дикие глаза с расширенными зрачками. «Этого не может быть». Эти слова крутились в моей голове, когда я склонилась, сжала его лицо дрожащими руками. Я заплакала, ощутив холодную кожу. Живое не может быть таким холодным. О боги, его кожа больше не ощущалась как плоть.

– Поппи, я... – выдохнул он, потянувшись ко мне.

Белки его глаз, а потом и радужку затянуло серой пленкой, и яркий янтарь помутнел.

Он застыл, уставившись в точку позади меня. Его грудь не двигалась.

– Кастил, – прошептала я, пробуя его трясти, но его кожа, все его тело... затвердело, как камень. Он замер: спина выгнута, одна нога подогнулась, рука тянется ко мне.

– Кастил.

Ответа не было.

Я раскрыла чутье, отчаянно ища хоть какие-то эмоции, хоть что-то. Ничего. Будто он погрузился в глубочайший сон или...

Нет. Нет. Нет. Он не мог уйти. Он не мог быть мертв.

Прошло всего несколько секунд с того момента, как Аластир отдал первый приказ, и до того, как Кастил оказался на полу передо мной без малейших признаков жизни.

Я быстро взглянула через плечо. Ни Джаспер, ни Киеран не шевелились, их кожа приобрела темно-серый цвет, оттенок железа.

Меня затопила паника, собираясь вокруг моего бешено колотящегося сердца. Я переместила руки на грудь Кастила, пытаюсь нащупать сердцебиение.

– Пожалуйста, пожалуйста, – шептала я. Слезы переполняли глаза. – Пожалуйста. Не поступай так со мной. Пожалуйста.

Ничего.

Я ничего не чувствовала ни от него, ни от Киерана, ни от Джаспера. В самом центре моего существа начал зарождаться гул. Я смотрела на Кастила – моего мужа. Мою сердечную пару. Мое все.

Я потеряла его.

Моя кожа завибрировала, а из самой глубины души поднялась темная и маслянистая ярость. В горле появился резкий металлический вкус, она огнем горела в моих венах. Вкус смерти. И не такой, как та, что произошла здесь, а окончательной.

Ярость разрасталась, пока я больше не смогла ее удерживать. Я даже не пыталась ее остановить. По моим щекам текли слезы и падали на железного цвета кожу Кастила. Гнев вырвался наружу, ударил в воздух и просочился в камень. Я почувствовала, как пол храма подо мной начал слегка дрожать. Кто-то кричал, но я не различала слов.

Склонившись над Кастилом, подобрала его упавший меч и коснулась губами его неподвижных, каменно-холодных губ. Древнее существо внутри меня запульсировало, как раньше. Я встала над мужем и повернулась. По полу храма пронесся резкий порыв ветра, загасив факелы. Листва на кровавом дереве затряслась, как сухие кости. Я крепче сжала короткий меч. Я не видела родителей Кастила. Не видела Аластира.

Передо мной стояли десятки человек в белом, с мечами и кинжалами. Знакомые металлические маски, какие носят Последователи, скрывали лица. Теперь их вид меня не пугал.

А только разжигал ярость.

Первозданная сила затопила все мои чувства. Заставила замолчать все эмоции, кроме одной: жажды мести. Ничего другого не осталось. Ни сочувствия. Ни жалости.

Я была собой.

И вместе с тем чем-то совершенно иным.

Небо над головой оставалось безоблачным, изумительного голубого цвета. Оно не разрилось кровавым дождем, но моя плоть заискрилась. На коже заплясали серебристо-белые огоньки. Они начали потрескивать, когда из меня вырвались растрепанные нити, опутали колонны, словно блестящая паутина, и поползли по полу, покрывая его сетью мерцающих прожилок. Моя ярость превратилась в осязаемое существо, живую силу, от которой нельзя бежать. Я шагнула вперед, и камень треснул под моим сапогом.

Отколовшиеся кусочки и пыль полетели вниз. Несколько нападающих в масках отступили. В статуях богов появились тонкие трещины. Разломы на полу разрастались.

Из рядов нападающих в масках вырвался один и бросился ко мне. Он занес меч, и на лезвии отразился солнечный свет. Я не шевелилась, ветер развеивал мои спутанные волосы. Нападавший закричал, обрушивая на меня рукоять меча...

Я схватила его за руку, блокировала удар и вонзила клинок Кастила глубоко в его грудь. Его туника окрасилась кровью, он содрогнулся и завалился на бок. Меня атаковали еще чет-

веро. Я поднырнула под рукой одного и перерезала горло другому. Брызнула кровь, а я крутанулась и, замахнувшись мечом, обрушила его на металлическую маску. Мою спину пронзила резкая, жалящая боль, когда я наступила на грудь мужчины и, оттолкнувшись, выдернула клинок из его черепа.

Меня схватила чья-то рука, и я, развернувшись, всадила меч глубоко в живот нападавшего. Резко дернула, вытаскивая клинок и вкладывая бушующее во мне неистовство в крик. Ярость пульсировала в воздухе вокруг меня. Статуя в дальней части храма раскололась надвое, и каменные обломки обрушились на пол.

Волна боли охватила мою ногу. Я повернулась, замахнувшись мечом по широкой дуге. Лезвие почти не встретило сопротивления. Кинжал сверкнул в моей руке, когда голова и маска покатались в противоположные стороны. Краем глаза я заметила, как один из Последователей схватил под руки застывшее тело Киерана. Подбросив кинжал, я перехватила его за рукоятку и, отведя назад руку, метнула. Клинок ударил под маску, и нападающий отшатнулся назад, хватаясь за горло.

Мое внимание привлекло какое-то движение. Нападавшие в масках наводнили храм. По краям моего поля зрения возникло серебристо-белое свечение, и я услышала голос – женский голос, – прошептавший в моей голове: «Так не должно было быть».

На миг я увидела ее. С волосами как лунный свет, она погружала руки глубоко в землю. Врожденное знание подсказало, что она находится там, где сейчас стоит храм, но в иные времена, когда мир был непознанным. Она запрокинула голову и закричала с той же страдальческой яростью, которая безжалостно пульсировала во мне. От того места, которого она касалась, разлился, пропитывая почву, серебристо-белый свет. Земля пошла трещинами, и из нее вокруг женщины показались тонкие белые пальцы – скорее даже кости. До меня долетели ее слова. «Я покончила с этим. Со всем этим».

Как и я.

Я содрогнулась. Образ женщины померк, и я отшвырнула меч. В пустоте, царящей в голове, я представила, как блестящие нити отходят от колонн. Так и получилось: они окутали дюжину нападавших тонкой паутиной. Я хотела, чтобы они чувствовали себя так же, как и я. Опушоженной. Надломленной. Потерянной.

Кости треснули. Руки и ноги оторвались. Спины сломались. Они попадали, как подрубленные деревья.

Остальные повернулись от меня и бросились бежать. Спасаться. Я им этого не позволю. Они заплатят. Ощутят вкус моего гнева и потонут в нем. Я развалю это сооружение, а потом разнесу все королевство, чтобы убедиться, что они почувствовали мой гнев. Они испытают то, что бурлит внутри меня, и что они сами вызвали.

Ярость вырвалась из меня в новом крике, и я шагнула вперед, вздымая руки. Нити поднялись с пола. В моем воображении они выросли и размножились, потянулись за пределы Покоев Никтоса к деревьям и городу внизу. Я начала снова поднимать руки...

И среди хаоса увидела его. Аластир стоял в передней части храма, за пределами досягаемости бурлящей ярости и энергии. Я не чувствовала от него страха. Только принятие. Он смотрел на меня так, словно этого и ждал.

Он встретился со мной взглядом.

– Я не представляю угрозы Атлантии, – сказал он. – Зато ты представляешь. Ты всегда была угрозой.

Мой затылок взорвался болью, такой внезапной и ошеломляющей, что ничего не могло остановить хлынувшую на меня тьму.

Я провалилась в никуда.

Глава 3

*Милый маленький цветочек,
Милый маковый цветочек,
Его сорвешь, он кровоточит,
И не милый больше...*

Я пришла в себя, хватая ртом воздух, пахнувший сырой землей и разложением. Жуткий стишок звучал в раскалывающейся от боли голове. Я открыла глаза, ахнула и задохнулась от крика.

На меня с пыльного и грязного черепа пялились пустые глазницы.

С бешено колотящимся о ребра сердцем я резко села и поползла назад. Я отодвинулась всего на фут, когда что-то натянулось и резко, до боли, дернуло меня за руки и ноги. Я стиснула зубы, подавляя стон. Кожа на запястьях и под коленями горела. С меня сняли свитер и оставили только тоненькую нижнюю рубашку. Но все беспокойство по поводу того, куда делись мой свитер и штаны, и о том, что облегающий лиф почти ничего не скрывает, улетучилось, как только я уставилась на свои руки.

Кости... Мои запястья охватывали отполированные кости кремового цвета. Кости и... выющиеся стебли. Врезаясь в кожу. Я осторожно приподняла ногу, учащенно дыша, и увидела то же самое под коленями. При внимательном рассмотрении я поняла, что это не стебли, а корни. Икры покрывала засохшая кровь. Я потянулась к кандалам...

Запястья пронзила жестокая боль, и я остановилась.

– Боги, – прошипела я сквозь зубы и осторожно откинулась назад на что-то твердое, влажное и холодное. Стена?

Хрипя, я проследила за переплетением костей и корней туда, где они соединялись со стеной. Я оглянулась и увидела рядом с собой... существо. У меня сбилось дыхание. С черепа свисали клочки тонких, свалывшихся светлых волос. От одежды остались лохмотья, потемневшие от грязи и времени. Непонятно, мужчина это был или женщина, но ясно, что находится здесь десятки, а то и сотни лет. Из груди трупа торчало копье с черным наконечником. Я похолодела, увидев такие же оковы из костей и корней на его запястьях и щиколотках. У меня перехватило дыхание, когда я подняла взгляд к тому, что находилось по другую сторону от трупа. Еще останки, связанные таким же образом. И еще, и еще – вдоль всей стены, десятки трупов.

О боги.

Я дико озиралась, вытаращив глаза. Факелы, укрепленные на темно-серых колоннах в середине помещения и дальше, отбрасывали оранжевый свет на...

Я увидела несколько приподнятых каменных плит – длинные прямоугольные сундуки, расставленные между двумя рядами колонн. Меня охватил ужас. О боги. Я поняла, что это. Саркофаги. Каждый саркофаг обмотан цепями из перевитых костей и корней.

Я в склепе.

И ясно, что не первая, кого сюда посадили.

Горло обхватила паника, и дышать холодным темным воздухом стало еще тяжелее. Пульс болезненно участился. Меня затошнило, желудок сжался. Я рассматривала тени за саркофагами и колоннами. Не помня, как сюда попала и как долго здесь нахожусь...

Кастил.

В моей голове возник образ – он тянется ко мне, а его кожа становится серой и затвердевает. Грудь сдавило, и сердце сжалось, как в тисках. Я зажмурилась от подступающих слез, но бесполезно. Я видела его – выгнутая спина, скрученное тело, потускневшие глаза. Он не

мог умереть. Ни он, ни Киеран или Джаспер. С ними все должно быть хорошо. Мне просто нужно выбраться отсюда и отыскать их.

Я начала вставать...

Путы врезались в кожу глубже. С пересохших губ сорвался хриплый крик, и я упала обратно к стене. Глубоко дыша, я подняла руку, чтобы лучше рассмотреть цепь. Отростки. В костях оказались заостренные отростки.

– Дерьмо, – прошептала я, поморщившись от звука собственного голоса.

Нужно успокоиться. Нельзя паниковать. Вольвены... они меня слышат? Разве Кастил и остальные не говорили этого? Они слышали или почувствовали, что я в беде, и отозвались. А сейчас я определенно в беде.

Но я слышала, как они выли от боли после того, как подстрелили Джаспера и Киерана. Ни один из них больше не поднялся в храм. Что, если их тоже?..

Я поднесла руки к лицу. Длина цепи позволяла сделать это без боли.

– Стоп, – сказала я себе.

Они не могли убить всех вольвенов.

Они.

А именно Аластир.

Во мне боролись гнев и неверие, и я сосредоточилась на том, чтобы дышать ровно. Я выберусь отсюда. Найду Кастила, Киерана и остальных. Все они должны быть в порядке.

А потом убью Аластира. Медленно и мучительно.

Запечатлев в сердце это обещание, заставила себя медленно выдохнуть и опустила руки. Мне уже доводилось бывать в цепях. В тот раз в Новом Пристанище не было так плохо, как сейчас, но я уже попадала в скверные ситуации прежде, с герцогом Тирманом и лордом Мэзином. Как в экипаже с лордом Чейни, которого обуюла жажда крови, а мне приходилось сохранять спокойствие. Нельзя скатываться в панику. Иначе утрачу над собой контроль.

Как потеряла контроль в Покоях Никтоса.

Нет. Я не потеряла контроль, когда убивала тех людей. Я все сознавала. Просто... не заботилась, чтобы сдерживаться, чтобы усмирить ту силу, которая ожила во мне. Я не чувствовала вины. И вряд ли буду раскаиваться потом.

Раны от клинков на ногах и спине заболели, когда я оглянулась туда, где моя цепь соединяется со стеной. Никакого кольца, к которому она бы крепилась. Она оказалась вплавлена в стену, была ее частью – выростала из нее.

Проклятье, что это за склеп?

Камень проломить не могу, но кость... кость и корни по сравнению с ним более хрупкие. Я осторожно покрутила кистью руки, чтобы натяжение не давило на кожу. Схватила другой рукой вторую цепь...

– Я бы этого не делал.

Я резко повернула голову на звук мужского голоса. Он исходил из тени за освещенными колоннами.

– Это не обычные кости, – продолжал голос. – Это кости древних.

Я скривила губы и выпустила цепь.

В тени рассмеялись, и я застыла. Этот смех... он казался немного знакомым. Как и голос.

– И поскольку это кости божеств, они обладают первозданной магией – итером, – добавил он. – Знаешь, что это означает, Пенеллаф? Эти кости невозможно сломать, их зарядили другие – те, в ком течет кровь богов.

Голос стал ближе, и я напряглась.

– Это довольно древняя технология, созданная самими богами и предназначенная, чтобы обездвиживать тех, кто стал слишком опасен, кто представляет серьезную угрозу. Говорят, сам Никтос наделил кости мертвых силой. Он совершил это, когда правил мертвыми в Стране

теней. Когда был Эшером, Благословленным, Вестником смерти и Хранителем душ. Первозданным богом простых людей и завершений.

Страна... теней? Правил мертвыми? Никтос был богом жизни, королем всех богов. Богом простых людей и завершений был Рейн. Я никогда не слышала о Стране теней, но, судя по названию, не захочу больше ничего знать об этом месте.

– Но я отклонился от темы, – сказал мой собеседник, и я увидела во мраке нечеткие очертания человека. Я прищурилась, сосредоточившись на нем, но... ничего не почувствовала. – Когда ты тянешь цепи, они только затягиваются туже. Если ты продолжишь так делать, они врежутся в твою плоть и кости. И в конце концов отсекут тебе руки и ноги. Если не веришь, присмотришься к узнику рядом с тобой.

Я не хотела смотреть и отводить глаза от фигуры в тени, но не смогла удержаться. Я перевела взгляд на тело, на пространство рядом с ним. На земле лежала кисть скелета.

О боги.

– К счастью для тебя, в тебе есть кровь богов, но ты не божество, как они. Ты довольно быстро истечешь кровью и умрешь. Другое дело – божества, вроде того, что находится рядом с тобой.

Я переключила внимание на говорившего. Его силуэт приблизился, зависнув на краю света.

– Он... он слабел и страдал от голода, пока его тело не начало само поглощать себя. На этот процесс, скорее всего, ушли столетия.

Столетия? Меня передернуло.

– Должно быть, ты спрашиваешь себя, что он такого натворил, чтобы навлечь столь ужасное наказание, – говорил он. – Что сделал он и остальные, что сидят вдоль стен и лежат в гробах?

Да, я думала об этом.

– Они стали слишком опасными. Слишком могущественными. Слишком... непредсказуемыми.

Он помолчал, и я тяжело сглотнула. Нетрудно предположить, что сидящие вдоль стен и передо мной трупы были божествами.

– Они представляли большую угрозу. Как и ты.

– Я не представляю угрозы, – огрызнулась я.

– Разве? Ты многих убила.

Я сжала кулаки.

– Они напали на меня без причины. Они ранили... – Мой голос дрогнул. – Они ранили вольвенков. Своего принца. Мою...

– Твою сердечную пару? – предположил он. – Союз не только сердец, но и душ. Очень редкий и гораздо сильнее любой кровной линии. Многие считают такое чудом. Скажи, ты сейчас тоже считаешь это чудом?

– Да, – прорычала я без колебаний.

Он рассмеялся, и опять этот смех затронул что-то в глубине моей памяти.

– Тогда ты будешь рада узнать, что все они в безопасности. Король с королевой, те два вольвена, даже принц.

Кажется, я перестала дышать.

– Если не веришь, проверь свой брачный отпечаток.

У меня екнуло сердце. Я об этом даже не подумала. Кастил говорил, что отпечаток пропадает со смертью одного из партнеров. Именно так некоторые узнали о смерти своих сердечных пар.

Мне не очень хотелось проверять, но я должна. Ощущая внутри пустоту, я перевела взгляд на левую руку. Она дрожала, когда я повернула ее. Золотой завиток, проходящий через ладонь, слабо мерцал.

Меня охватило такое сильное чувство, что пришлось зажать рот, чтобы сдержать крик, рвущийся из глубины моего существа. Отпечаток был на месте. Кастил жив. Я содрогнулась, слезы обожгли горло. Он жив.

– Мило, – прошептал он. – Так мило.

Меня охватила смутная тревога, сменившая облегчение.

– Но он бы сильно пострадал, если бы тебя не остановили, – сказал он. – Ты бы обрушила весь храм. Он бы упал вместе с ним. Может, ты бы даже его убила. Ты знаешь, что на такое способна? В тебе есть сила.

Сердце на миг замерло.

– Я бы не причинила ему вреда.

– Может, не намеренно. Но, судя по тому, что мне известно, ты, похоже, очень плохо себя контролировала. Откуда ты знаешь, что бы сделала?

Я начала отрицать, но потом в нерешительности откинула голову назад. Я... не знала, чем стала в храме, но я себя контролировала. Меня переполняла жажда мести, как и странную женщину, которую я увидела внутренним взором. Я была готова убить людей, которые бросились бежать от меня. Была готова разнести все королевство. Сделала бы я это? В Бухте Сэйона полно невинных людей. Конечно, я бы остановилась прежде, чем дело бы дошло до этого.

Я лгала себе.

Я считала, что Кастил смертельно ранен или убит. Я бы не остановилась. Не остановилась бы до тех пор, пока не насытилась мстостью. И понятия не имела, что мне для этого потребовалось бы.

Воздух, которым я дышала, стал кислым. Попыталась убрать подальше эти мысли, чтобы подумать над ними позже.

– Что вы с ним сделали? И с остальными?

– Я ничего не сделал.

– Вранье! – бросила я.

– Я не выпускал стрелы. Меня там даже не было, – ответил он. – А они применили токсин, извлеченный из теневика – цветка, который растет на самом востоке гор Никтоса. Он вызывает судороги и паралич, а затем кожа затвердевает. Довольно болезненно, пока жертва не погружается в глубокий сон. У принца уйдет больше времени, чтобы проснуться, судя по тому, что я слышал. Несколько дней. Возможно, он проснется завтра.

Несколько дней? Завтра?

– Как долго я была без сознания?

– Два дня. Может, три.

Боги богов.

Я даже думать не хотела, как сильно меня огрели по голове, если я так долго была в отключке. Но в вольвенов попало меньше стрел, чем в Кастила. Киеран сейчас наверняка проснулся. И Джаспер. И, может, остальные...

– Знаю, о чем ты думаешь, – оборвал мужчину мои размышления. – Что вольвены почуют твой зов. Что они придут к тебе. Нет, не придут. Кости заглушают первозданный нотам. А еще они нейтрализуют все способности, возвращая тебя к тому, чем ты являешься в своей сущности. Смертной.

Так вот почему я ничего не почувствовала от этого человека? Не очень приятная новость. Паника угрожала вцепиться в меня когтями, но теневая фигура двинулась и шагнула в свет факела.

Мое тело застыло при виде человека, одетого во все черное. Моя душа восстала против того, что я увидела. Бессмыслица. Это невозможно. Но я узнала темные пушистые волосы, тяжелую челюсть и тонкие губы. Теперь я знала, почему его смех показался мне знакомым.

Капитан королевской гвардии.

Капитан Янсен.

– Вы же мертвы, – выдохнула я, уставившись на него, пока он шел между колоннами.

Темная бровь взлетела вверх.

– С чего ты так решила, Пенеллаф?

– Вознесшиеся вскоре после нашего отъезда обнаружили, что Хоук не тот, за кого себя выдавал. – Именно так сказал мне лорд Чейни в том экипаже. – Они говорили, что Последователи проникли в высшие ряды королевской гвардии.

– Это так, но меня не поймали.

Янсен приподнял уголок губ, шагая вперед и проводя пальцами по гробу.

Я смотрела на него в замешательстве.

– Я... я не понимаю. Вы Последователь? Вы поддерживаете принца?..

– Я поддерживаю Атлантию. – Он стремительно пересек оставшееся расстояние за один удар сердца и опустился на колени, так что наши глаза оказались на одном уровне. – Я не Последователь.

– Правда? – Скорость, с которой он двигался, это выдавала. – Тогда кто же вы?

Улыбка на плотно сжатых губах стала шире. Его черты обострились, сузились, и он изменился. Его новое тело было тоньше и ниже ростом, потонув в одежде Янсена. Его кожа стала более смуглой и гладкой. Волосы потемнели до черноты и отросли, а глаза посветлели и стали голубыми.

Не прошло и нескольких секунд, как передо мной на коленях стоял Беккет.

Глава 4

– Боги богов, – прохрипела я, отодвигаясь подальше от этого... существа.
– Я тебя напугал? – спросил Янсен-Беккет голосом юного вольвена.
Его лицо было абсолютно таким же, как у внучатого племянника Аластира.
– Ты... ты перевертыш.
Он кивнул.

Я не могла оторвать от него взгляда. В голове не укладывалось, что передо мной Янсен, а не Беккет.

– Я... я не знала, что перевертыши могут сделать себя такими похожими на других людей.
– Большинство оставшихся линий перевертышей могут только превращаться в животных или... владеют другими способностями, – ответил он. – Я один из очень немногих, кто может долго удерживать другой облик. Хочешь знать как?

Я, правда, хотела, но ничего не сказала.

К счастью для меня, он пребывал в болтливом настроении.

– Все, что мне нужно, – что-то принадлежащее другому. Обычно достаточно пряди волос. Превращаться в вольвена невероятно легко.

А вот для меня было непостижимо, как можно с легкостью превращаться в кого-то.

– А они... знают, что ты делаешь? Что принимаешь их облик?

По-прежнему с улыбкой на мальчишеском лице Янсен покачал головой.

– Обычно нет.

Я даже не пыталась понять, каково это – принимать чужой облик и как это можно делать без разрешения. Это казалось мне величайшим произволом, особенно если делать это, чтобы обмануть кого-то...

Я вдруг осознала что-то, и это понимание вызвало волну гнева.

– Так это был ты, – возмутилась я. – Не настоящий Беккет привел меня в храм, а ты.

– Я всегда знал, что под вуалью прячется умная девушка, – заметил он и опять изменился, приняв собственные черты. Меня это поразило ничуть не меньше, чем в первый раз.

Осознание, что меня заманил в ловушку не юный игривый вольвен, принесло облегчение.

– Как? Как получилось, что никто не понял? Как я?..

Я замолчала. Когда прочитала его эмоции в храме, они не ощущались как эмоции Беккета.

– Как получилось, что ни ты, ни наш принц ничего не поняли? Ни даже Киеран или Джаспер? Когда перевертыши принимают чужой облик, мы перенимаем чужие особенности настолько, что обнаружить правду невероятно трудно. Порой нам самим нелегко помнить, кто мы на самом деле.

На его лице мелькнула тревога и исчезла так быстро, что я даже не была уверена, видела ли ее.

– Разумеется, наш принц знал, что я перевертыш. Как знали и многие другие. Но, очевидно, никто не ожидал такой манипуляции. Никто даже не искал перевертыша.

– С Беккетом все хорошо?

Янсен отвел взгляд.

– Должно было. Ему дали сонное зелье. Таким был план. Усыпить его на время, чтобы я успел занять его место.

Мое сердце сжалось.

– Но что-то пошло не так?

– Да. – Янсен на миг закрыл глаза. – Я неверно рассчитал количество зелья, необходимое, чтобы юный вольвен спал. Он проснулся, когда я вошел в его комнату.

Он откинулся назад и провел рукой по лицу.

– То, что произошло потом, – несчастливое стечение обстоятельств.

У меня к горлу подступила желчь.

– Ты убил его?

– Мне пришлось это сделать.

Я уставилась на перевертыша. У меня перехватило дыхание.

– Он был всего лишь ребенком!

– Знаю. – Он опустил руку. – Никому из нас это не понравилось, но это нужно было сделать.

– Этого не нужно было делать. – Мои глаза наполнились слезами. – Он был ребенком, и он был невинен.

– Невинные все время умирают. Ты всю жизнь прожила в Солисе. Ты знаешь, что это правда.

– И это дает право считать, что причинять боль другим – нормально?

– Нет. Но цель оправдывает средства, – возразил Янсен. – Народ Атлантии это поймет. Для меня было непостижимо, как можно оправдать убийство ребенка.

– А почему тебя это вообще волнует? – спросил он. – Ты стояла и смотрела, как люди голодают, как их унижают и отдают на Ритуал. И ничего не делала.

– Я тогда не знала правды, – бросила я, смаргивая слезы.

– И это дает право считать, что это нормально?

– Нет. Не дает, – сказала я, и он слегка округлил глаза. – Но я не всегда стояла и ничего не делала. Я делала что могла.

– Этого было недостаточно.

– Я не сказала, что достаточно. – Я прерывисто вздохнула. – Зачем ты это делаешь?

– Моя обязанность – устранять любые угрозы Атлантии.

Я издала хриплый недоверчивый смешок.

– Ты меня знаешь. Знал много лет. Ты знаешь, что я не представляю угрозы. Я бы не стала ничего делать в храме, если бы мне не угрожали.

– Ты сейчас так говоришь. Однажды это изменится. Хотя удивительно, как тесен мир. Предполагалось, что моя роль заключалась в том, чтобы открыть Кастилу доступ к тебе. Я долгие годы прожил во лжи, чтобы он мог взять в плен Деву и использовать ее, чтобы освободить брата и вернуть некоторые из похищенных у нас земель. Я понятия не имел, кто ты и почему тебя сделали Девой.

– И его брак со мной показался тебе предательством? – предположила я.

– На самом деле нет, – ответил он, удивив меня. – Он все еще мог исполнить то, что от него ожидалось. Возможно, это оказалось бы даже легче, когда ты его жена, а не пленница.

– Тогда почему? Потому что я... потому что во мне есть капля крови бога?

– Капля? – рассмеялся Янсен. – Девочка, я знаю, что ты натворила в храме. Тебе нужно больше верить в себя.

Во мне вскипел гнев, и я приветствовала его, вцепившись в это чувство. Это была лучшая компания, чем горе.

– Я много лет не была просто девочкой, так что не называй меня так.

– Мои извинения. – Он склонил голову. – Готов биться об заклад, что в тебе гораздо больше, чем капля. Твоя кровная линия должна была оставаться очень чистой, раз ты проявляешь такие способности.

Он вдруг подался вперед и схватил меня за подбородок. Я попыталась вырваться, но он удержал меня. Его темные глаза осмотрели мое лицо, словно он что-то искал.

– Странно, что я никогда прежде этого не видел. А должен бы.

Я схватила его за предплечье. Кандалы на запястье предупреждающе сжались.

– Убери от меня руки.

– Или что, Дева? – Его улыбка стала чуть шире, а мой гнев разгорелся еще жарче. – Ты не можешь сделать со мной ничего, что не причинит вред тебе самой. Я только что назвал тебя умной. Неставляй меня лжецом.

Мой бессильный гнев коренился в отчаянии оттого, что я не могу защитить себя.

– Отпусти меня!

Янсен убрал руку. Вдруг встал и посмотрел на кучу костей рядом со мной. Я тяжело дышала, а сердце бешено билось.

– Я знал, что задерживаться в Масадонии неразумно, – сказал он. – Поэтому я уехал вскоре после вас. Я встретился с Аластиром по пути в Предел Спессы. Вот тогда я и узнал, кто ты.

Я впиалась ногтями в ладони.

– Значит, Аластир знал, кто я?

– Когда он впервые увидел тебя – нет.

Он пнул что-то носком сапога, и предмет пролетел по пыльному полу. Это оказалась отсеченная кисть руки. Мне стало дурно.

– Я оставался в тени, пока не пришло время, и тогда принял облик Беккета.

– Ты стоял и смотрел, когда нас едва не одолело войско Вознесшихся. Люди умирали, а ты ничего не делал?

Мой голос сочился презрением.

Он бросил на меня взгляд.

– Я не трус.

– Ты сам это сказал, – одними губами улыбнулась я. – Не я.

Он долго не шевелился.

– Было нелегко прятаться и смотреть, как войско надвигается на Предел Спессы. Мне никогда в жизни не было так тяжело. Но, в отличие от тех фальшивых Хранительниц, я – Защитник Атлантии, истинный Хранитель царства. Я знал, что моя миссия гораздо важнее, чем возможное падение Предела Спессы и даже гибель нашего принца.

– Истинный Хранитель?

Я подумала о женщинах, которые принадлежат длинной традиции воинов – женщинах, которые с мечами наперевес спрыгнули с Вала, окружающего Предел Спессы, и сражались гораздо бесстрашнее, чем, как я видела, сражается капитан. Я хрипло рассмеялась.

– Ты бледная жалкая тень в сравнении с Хранительницами.

Моя щека взорвалась болью, и это стало единственным свидетельством того, что он пошевелился и бросился ко мне. Во рту появился металлический вкус.

– Я понимаю, что ты сбита с толку и подавлена, – сказал он с притворным сочувствием, поднимаясь и делая шаг назад. – Но если ты оскорбишь меня еще раз, я за себя не отвечаю.

Меня опалил обжигающий жар. Щека болела, но я повернула к нему голову и встретила взглядом.

– Ты умрешь, – пообещала я, улыбаясь, а его щеки побагровели от гнева. – Я убью тебя сама, и это будет смерть, заслуженная таким трусом, как ты.

Он ринулся ко мне. На этот раз вместе с острой болью пришла тьма, от которой я не смогла сбежать, как ни старалась.

* * *

Я стиснула зубы, когда давление пут на запястье усилилось, и слегка повернула голову, уставившись на копьё в груди скелета. На камень закапала свежая кровь, и я прекратила тянуть, тяжело дыша.

Я ждала, уже зная, что с каждым завоеванным дюймо́м пути чуть-чуть ослабляются. Получение этого знания оказалось мучительно медленным процессом.

Сосредоточившись на дыхании, я прислонилась виском к стене. Вся рука болела. Понятия не имела, сколько прошло времени с тех пор, как потеряла сознание. Должно быть, несколько часов. Может, больше, потому что голодные спазмы в животе сменились постоянной ноющей болью. И я замерзла – тело окоченело от холода.

Мой взгляд скользнул по каменным гробам. Почему им оказали честь, похоронив подобающим образом, тогда как остальных просто усадили вдоль стен? Это был лишь один из множества мучивших меня вопросов. Далеко не самый важный, но я предпочитала думать об этом, чем о том, почему до сих пор жива.

Янсен утверждал, что я представляю угрозу. И, может, пробудившееся во мне в храме и правда представляет. Возможно, я угроза. Но зачем оставлять меня в живых? Или именно это они и планировали? Посадить меня в склеп и оставить здесь, пока я не умру от голода и не превращусь в еще одну пыльную кучку костей у стены.

Горло тисками сдавила паника, затрудняя дыхание. Но я прогнала ее. Не могла позволить себе сдаться страху, который назойливой тенью маячил в глубине сознания. Я выберусь отсюда – либо сама, либо меня найдет Кастил.

Знаю, он будет меня искать. Скорее всего начнет, как только проснется. И он разрушит все королевство, если понадобится. Он меня найдет.

Я выберусь отсюда.

Но для начала мне требовалось оружие.

Приготовившись к боли, я медленно вытянула руку. Пальцы коснулись пыльного древка копья. Меня охватило возбуждение, хотя пути ту же сомкнулись на запястье, впиваясь в плоть. Вспыхнула боль...

Где-то в мраке склепа камень скользнул по камню, и я прекратила свои попытки. Игнорируя сильную боль, опустила руку на колени, где собралась свежая кровь, пропитав рубашку. Я уставилась в темноту, напрягая зрение и стараясь рассмотреть, кто пришел.

– Вижу, ты наконец проснулась.

Услышав голос Аластира, я сжала руки в кулаки.

Через мгновение он вышел на освещенное факелом место. Он выглядел так же, как и в храме, разве что теперь его черная туника с золотой нитью была без рукавов.

– Я уже приходил, но ты спала.

– Предатель, сукин сын! – сплюнула я.

Аластир остановился между двумя каменными гробницами.

– Вижу, ты злишься. Имеешь на это полное право. Янсен признался, что вышел из себя и ударил тебя. Я прошу за это прощения. Бить того, кто не может защититься, не входит в наши клятвы.

– Меня не волнует, что он меня ударил, – прошипела я, сердито уставившись на Аластира. – Меня волнует, что вы предали Кастила. Что вы приложили руку к смерти собственного внучатого племянника.

Он склонил набок голову, и пересекающий его лоб неровный шрам скрыла тень.

– Ты смотришь на это как на предательство. Я же вижу в этом необходимость обеспечить безопасность Атлантии.

В моей груди загорелась ярость.

– Как я сказала Янсону, я всего лишь защищалась. Защищала Кастила и Киерана, и Джаспера. Я бы...

– Ты бы никогда такого не сделала, если бы не считала, что такая реакция оправданна? – перебил он. – Тебя вынудили применить силу твоей крови против других?

Моя грудь тяжело поднялась и опустилась.

– Да.

– Давным-давно, когда боги, чьи имена давно позабыты, пробудились и стали сосуществовать со смертными, смертные подчинялись правилам. Боги действовали как их защитники, направляли их в трудные времена и даже даровали милости самым преданным.

– Меня не интересовал бы этот урок истории, даже если бы от него зависела моя жизнь, – вспыхнула я.

– Но, кроме того, они выступали перед смертными как судьи, присяжные и палачи, если деяния смертных признавались оскорбительными или недозволенными, – продолжал Аластир, словно я ничего не говорила. – Проблема состояла в том, что только боги определяли, что является, а что не является наказуемым. Множество смертных умерли от рук богов за ничтожные оскорбления. В конце концов против этих богов восстали их младшие братья. Но склонность действовать необдуманно, часто в порыве страсти или других непредсказуемых эмоций, или отвечать насилием – черта, которой подвержены даже боги, особенно старшие из них. Вот почему они уснули.

– Спасибо за сведения, – огрызнулась я. – Но вы все еще не объяснили, почему предали принца. И почему использовали для этого Беккета.

– Я поступил так, как было нужно, потому что жестокость богов часто переходит к их детям, – заявил он. – Мысли и поведение божеств были еще более непредсказуемы, чем у их предшественников. Некоторые считали, что виной тому влияние смертных, поскольку прежде боги сосуществовали со смертными, но не жили среди них. Они оставались в Илизиуме, тогда как их дети жили в царстве смертных.

Илизиум? Страна теней? Все это звучало как бред, а мое терпение уже подходило к концу. Я была близка к тому, чтобы, рискуя потерять руку, попытаться схватить копье и швырнуть в этого мерзавца.

– Не знаю, из-за влияния смертных или нет, но после того, как боги уснули, божества стали...

– Слишком могущественными и слишком опасными, – перебила я. – Знаю. Я это уже слышала.

– Но рассказал ли тебе Янсен, что они натворили, чтобы заслужить такую участь? Уверен, ты уже поняла, что все замурованные здесь были божествами. – Он поднял руку, показывая на саркофаги и трупы. – Рассказал ли он тебе, почему первичные атлантианцы восстали против них подобно тому, как их праотцы восстали против изначальных богов? Рассказал ли он, какими монстрами они стали?

– Он был слишком занят, пока бил меня, и не добрался до этого места, – презрительно ответила я. – Так что – нет.

– Кажется, я должен еще раз извиниться.

– Да пошел ты, – выдавила я.

Ненавижу его извинения. Похоже, его слова прозвучали искренне. И он произнес их с полной обоснованностью. Мне не нужно было применять свои способности, чтобы это понять.

Он поднял брови, и выражение его лица смягчилось.

– Божества выстроили Атлантию, но они же едва не разрушили ее своей алчностью и жадной жизни, своим неутолимým желанием большего. Они всегда хотели больше. Они не знали ограничений. Если они чего-то хотели, то брали это или создавали. Иногда во благо королевству. Большая часть внутренних помещений, которые ты видишь, существует благодаря им. Но чаще они действовали только в собственных интересах.

Это ужасно напоминало Вознесшихся. Они тоже правили, ставя на первое место свои желания.

Я посмотрела на Аластира.

– Итак, я угроза, с которой нужно разобраться, потому что я происхожу от божества, у которого то ли были, то ли нет проблемы с самообладанием? – С моих губ сорвался смешок. – Как будто у меня нет собственной воли и я всего лишь побочный продукт того, что содержится в моей крови?

– Пенеллаф, возможно, для тебя это прозвучит невероятно, но ты только что вступила в Отбор. Рано или поздно ты начнешь испытывать те же беспорядочные и жестокие импульсы, что и они. Ты сейчас опасна, но в конце концов станешь чем-то совершенно иным.

Передо мной вспыхнул образ женщины с волосами как лунный свет.

– Что еще хуже, в самой своей сути ты смертная и гораздо больше подвержена влиянию, чем атлантианцы или вольвены. И из-за смертности ты будешь еще сильнее подвержена импульсивным решениям.

Женщина исчезла из моего внутреннего взора, и я посмотрела на него.

– Вы ошибаетесь. Смертные гораздо осмотрительнее и более склонны оберегать жизнь.

Он выгнул бровь.

– Даже если и так, ты производишь от тех, что рождены от плоти и огня самых могущественных богов. Твои способности поразительно напоминают способности тех, кто, если их разозлить, могли быстро стать разрушителями, испепеляющими все в своем гневе. Целые семьи были истреблены из-за того, что кто-то посмел оскорбить кого-то из божеств. Целые города разрушали до основания, если один человек совершал преступление против них. Но платили все – мужчины, женщины и дети.

Во мне возникло беспокойство.

– Потом они начали выступать друг против друга и уничтожать в борьбе за власть над Атлантией. В это время были истреблены целые кровные линии. Когда погибли потомки Сэй-она, против божеств восстали серены. Они умерли не потому что впали в депрессию и не потому что их линия растворилась и они в конце концов исчезли. Их убило другое божество. Многие кровные линии погибли от руки этого божества – божества, которое многие считали не таким, как другие.

От гнева морщины вокруг его рта стали глубже.

– Даже я одно время так считал. Да и как я мог не верить, что он не такой? Он же как-никак происходил от короля богов. Он не мог быть таким, как другие.

– Малек? – предположила я.

Аластир кивнул.

– Но многие ошибались. Я ошибался. Он был худшим из них всех.

Я напряженно наблюдала, как он подходит и опускается на каменный пол передо мной. Он сел с тяжелым вздохом и, положив руку на колено, принялся изучать меня.

– Мало кто знал, на что был способен Малек. Какова была его божественная сила. Когда он пускал ее в ход, оставалось очень мало живых свидетелей. Но я знал, что он может сделать. Королева Элоана знала. Король Валин знал. – Его холодные голубые глаза встретились с моими. – Его способности сильно напоминали твои.

Я резко вдохнула.

– Нет.

– Он мог чувствовать эмоции, как эмпаты. Считается, что их линия, смешавшись с линией перевертышей, ответвилась от той же, из которой произошел Малек. Некоторые полагают, что именно поэтому боги благоволит эмпатам. Что у них было больше итера, чем у большинства других. – Малек мог исцелять раны прикосновением, но редко так делал, потому что происходил не только от бога жизни, но и от бога смерти. Никтоса. Король богов был и тем, и другим. И способности Малека имели темную сторону. Как и эмпаты, он мог брать эмоции и отправлять их обратно. Но он был способен на гораздо большее.

Не может быть.

– Он мог насылать на других свою волю, ломать и сокрушать тела, даже не прикасаясь. Он мог становиться смертью. – Аластир удерживал мой взгляд, а я покачала головой. – Ты мне нравишься. Знаю, ты, наверное, этому не веришь, и если так, я понимаю. Но мне жаль, потому что знаю – Кастил к тебе сильно привязан. Поначалу я не верил, но теперь знаю, что ваши отношения настоящие. Он будет страдать. Но это в твоей крови, Пенеллаф. Ты производишь от Никтоса. В тебе течет кровь короля Малека. – Он не сводил с меня глаз. – Я принадлежу к длинной череде людей, которые поклялись защищать Атлантию и ее тайны. Вот почему решил разорвать узы с Малеком. И вот почему не могу позволить тебе сделать то, что почти удалось ему.

Мне было нелегко в полной мере принять, что во мне течет божественная кровь. Очевидно, я не могла отрицать, что не просто наполовину атлантианка и наполовину смертная. Человек смешанного происхождения не может делать то, что сделала я. На такое неспособен даже первичный атлантианец. А потомок Никтоса? Потомок короля Малека?

Божества, которое создало самую первую Вознесшуюся? Его действия привели к гибели тысяч, если не больше.

И это в моей крови?

Я не могла поверить в то, что говорил Аластир. Это звучало так же невероятно, как и то, что, по утверждению герцогини Тирман, королева Солиса приходится мне бабушкой. Невозможно. Вознесшиеся не могут иметь детей.

– Как я могу происходить от Малека? – спросила я, хотя это даже звучало невероятно.

– У Малека было много любовниц, Пенеллаф. Некоторые были смертными. Другие – нет. И некоторые родили ему детей – отпрысков, разбросанных по всему королевству и поселившихся далеко на западе отсюда. Так что в этом нет ничего невозможного. Есть много других, подобных тебе, – тех, кто так и не достиг возраста Отбора. Ты его потомок.

– Другие, кто так и не достиг...

Я осеклась, и в моем уме начала формироваться новая ужасная мысль. Боги богов, так Аластир и Янсен – и кто знает, сколько других, – много столетий были в ответе за смерти... детей?

– Но это не просто кровная линия, Пенеллаф. Мы были предупреждены о тебе давным-давно. Пророчество было написано на костях твоей тезки до того, как боги уснули.

По моей коже побежали мурашки.

– «Когда прольется кровь последнего Избранного, великий заговорщик, рожденный из плоти и огня Первозданных, пробудится как Вестник и Носитель Смерти и Разрушения в землях, дарованных богами. Берегитесь, ибо конец придет с запада, дабы разрушить восток и опустошить все земли, что лежат меж ними».

Я воззрилась на Аластира в изумленном молчании.

– Ты – Избранная, рожденная от плоти и огня богов. И ты пришла с запада в земли, дарованные богами, – сказал он. – Ты – та, о ком предупреждала твоя тезка.

– Так вы... сделали все это из-за моей кровной линии и пророчества?

Я затряслась от хриплого смеха. Бабушкины сказки о пророчествах и о конце света были в каждом поколении. Всего лишь сказки.

– Пусть ты мне не веришь, но я знал – наверное, я всегда знал.

Он нахмурился и слегка прищурился.

– Я почувствовал это, когда впервые заглянул в твои глаза. Они были старыми. Первозданными. Я увидел смерть в твоих глазах еще много лет назад.

Мое сердце замерло, а потом заколотилось.

– Что?

– Мы встречались раньше. То ли ты была тогда слишком мала, чтобы запомнить, то ли события той ночи оказались слишком травмирующими, – произнес Аластир, и я вспыхнула,

а затем похолодела. – Я не понял сразу, что это ты, когда впервые увидел тебя в Новом Пристанище. Мне показалось, что я тебя уже где-то встречал, и это не давало мне покоя. Что-то в твоих глазах. Но я понял, кто ты, когда ты назвала имена своих родителей. Коралена и Леопольд. Кора и ее Лев.

Я подскочила – пол склепа уплывал подо мной. Я не могла говорить.

– Я солгал тебе, – мягко сказал он. – Когда говорил, что спрашиваю, не знает ли кто о них и не пытался ли помочь им сбежать в Атлантию. Я не собирался никого расспрашивать. В этом не было необходимости, потому что этим человеком был я.

С бешено бьющимся сердцем я стряхнула с себя оцепенение.

– Вы были там той ночью? Той ночью, когда Жажущие напали на постоянный двор?

Он кивнул, и факелы позади него замигали.

Передо мной возникла картина: отец, чьи черты расплываются в моей памяти, выглядывает в окно постоянного двора, ища что-то или кого-то. Позже в ту ночь он сказал кому-то, кто остался в моих воспоминаниях тенью: «Это моя дочь».

Я не могла... дышать, глядя на Аластира. Его голос. Его смех. Они всегда казались знакомыми. Я думала, что они напоминают мне Виктера. Я ошибалась.

– Я пришел встретиться с ними, чтобы помочь безопасно уехать. – В его голосе нарастала усталость.

«Она не знает», – сказал отец той тени, которую я никогда не могла разглядеть. Образы быстро вспыхивали перед моими глазами – моментальные картинки, воспоминания. Я даже не была уверена, настоящие они или обрывки кошмаров. Мой отец... его улыбка была странной, когда он оглянулся через плечо. «Ясно», – ответил тот призрачный голос. Теперь я знала, кому голос принадлежал.

– Твоим родителям следовало подумать, прежде чем делиться этим с кем бы то ни было. – Аластор опять покачал головой, на этот раз печально. – И ты была права, предполагая, что они пытались сбежать из Солиса, убраться из этого королевства как можно дальше. Они бежали. Они знали правду. Но, понимаешь, Пенеллаф, твои родители всегда знали, кто такие Вознесшиеся.

Я дернулась назад, едва ощущая боль в ногах и запястьях.

– Нет.

– Да, – настаивал он.

Но это не имело ничего общего с правдой. Мои родители были хорошими людьми. Я это помнила. Хорошие люди не стали бы стоять и смотреть, если бы знали правду о Вознесшихся. Если бы понимали, что происходит с детьми, которых отдают во время Ритуала. Хорошие люди не стали бы молчать. Они не были соучастниками.

– Твоя мать стала любимицей самозваной королевы, но она не была леди-в-ожидании, которой предназначено вознестись. Она была прислужницей королевы.

Прислужницей? Что-то в этом слове показалось мне знакомым. В царящем в голове хаосе я увидела... женщин, которые всегда находились при королеве. Женщин в черном, которые никогда не разговаривали и бродили по залам дворца, словно тени. Они... они пугали меня, когда я была ребенком. Да. Теперь вспомнила. Как я могла их забыть?

– Прислужницы – ее личная охрана. – Аластор сдвинул брови, и шрам на его лбу стал глубже. – Кастил знает, что они были особой разновидностью кошмара.

Я подняла руку и замерла. Королева держала Кастила в плену пять десятилетий. Его пытали и использовали – как королева, так и другие. Кастила освободили еще до рождения моей матери, но его место занял его брат.

Но моя мама, моя нежная, мягкая и беззащитная мама не могла быть такой. Если бы она служила одной из телохранительниц королевы, кошмарной или нет, она была бы обучена сражаться. Она бы...

Она бы смогла защитить себя.

Я не понимала. Не знала, являлось ли правдой хоть что-то из этого. Но знала, что все же правда.

– Вы, – выдохнула я, и мое тело онемело, когда я уставилась на человека, которого считала другом. Которому доверяла. – Это были вы. Вы предали их, правда?

– Это не я убил твоего отца. Это не я предал твою мать. Но в конце концов это не имеет значения. Я бы все равно убил их. Я бы убил тебя.

Я хрипло рассмеялась. Во мне бурлили гнев и неверие.

– Если это не вы, то кто же? Жаждающие?

– Той ночью там побывали Жаждающие. Они оставили на тебе шрамы. Их привели прямо к дверям постоянного двора. – Он не моргнул. Ни разу. – Их привел туда он. Темный.

– Лжец! – крикнула я. – Кастил не имеет никакого отношения к тому, что случилось.

– Я и не сказал, что Кастил. Знаю, это был не он, хотя я не видел лица под капюшоном, когда Темный пришел к постоянному двору, – ответил Аластир. – Той ночью многое было поставлено на кон. Эта тьма находилась вне моего влияния. Я пришел, чтобы помочь твоим родителям. Именно это я тогда и сделал. Но когда они рассказали, на что ты способна, я понял – понял, от кого ты производишь. Поэтому, когда к тем дверям подошла тьма, я позволил ей войти.

Я не знала, верю ли ему и вообще имеет ли значение, умерли мои родители от его руки или нет. Он все равно сыграл роль в смерти моих отца и матери, бросив Йена, меня и остальных на погибель. Бросив меня на растерзание Жаждающим. В ту боль. Той ночью. Которая преследовала меня всю жизнь.

Из него вырвался вздох.

– Я позволил тьме войти и ушел, полагая, что с самой грязной частью моих обязанностей покончено. Но ты выжила, и вот мы здесь.

– Да. – Слово прокатилось как рычание, что в любое другое время удивило бы меня. – Вот я здесь. И что теперь? Вы меня убьете? Или оставите здесь гнить?

– Если бы это было так просто. – Он оперся на руку. – И я никогда не оставил бы тебя здесь умирать медленной смертью. Это по-варварски.

Он вообще себя слышал?

– А держать меня в цепях из костей не варварство? Бросить мою семью и меня на погибель – не варварство?

– Это было необходимое зло, – заявил он. – Но мы не можем просто убить тебя. Может, и могли до того, как ты приехала, до того, как проявился первозданный нотам. Но не теперь. Вольвены видели тебя. Они тебя почувствовали.

Я резко перевела на него взгляд.

– А вы почему не обернулись, как остальные? Судя по тому, что говорили король с королевой, вольвены не могли контролировать свой облик. Им пришлось ответить на мой зов.

– Потому что я больше не могу обращаться в вольвена. Когда я нарушил клятву королю Малеку, я разорвал связь со своей вольвенской стороной. Поэтому я не могу чувствовать первозданный нотам.

Я была потрясена. Я этого не знала.

– А вы... вы все еще вольвен?

– У меня остались долголетие и сила вольвена, но я не могу обращаться в истинный облик. – Его глаза затуманились. – Иногда эта неспособность почувствовать, как я перевоплощаюсь, ощущается как потеря части тела. Но то, что я сделал, я сделал, в полной мере сознавая, какими будут последствия. Мало кто еще пошел бы на такое.

Боги, это должно быть невыносимо. Наверное... он чувствует себя так же, как я, когда меня заставляли носить вуаль. Отчасти меня впечатлила верность Аластира Атлантии и коро-

леве. И это много говорило о его характере, о том, что он за человек, что за вольвен, и на что готов пойти на службе королевству.

– Вы сделали это, но не убьете меня?

– Если бы мы тебя убили, ты стала бы мученицей. Поднялся бы мятеж, новая война, и у нас на западе разразилась бы битва. – Он говорит о Солисе, о Вознесшихся. – Я хочу этого избежать. Избежать новых проблем для нашего королевства. А вскоре ты больше не будешь нашей проблемой.

– Если вы не собираетесь меня убивать или оставлять здесь умирать, сложно представить, что вы планируете, – вымолвила я.

– Я отдам Вознесшимся то, что они так отчаянно хотели сберечь, – ответил он. – Я отдам им тебя.

Глава 5

Наверное, я не так расслышала. Он не мог планировать то, о чем только что заявил.

– Это самое мудрое решение, пока не стало слишком поздно, – сказал он. – Ты будешь за пределами их досягаемости, как и все, кого захватили Вознесшиеся.

– Это... даже не имеет смысла, – возразила я, когда поняла, что он говорит серьезно.

– Не имеет?

– Нет! – воскликнула я. – По нескольким причинам. Начнем с того, как вы собираетесь доставить меня к ним?

Аластир улыбнулся, и мое беспокойство усилилось.

– Пенеллаф, дорогая, ты больше не за Столпами Атлантии. Ты в Склепе Забытых, далеко в горах Скотос. Если кто-нибудь и узнает, что ты здесь, тебя все равно не найдут. Мы к тому времени уже уйдем.

Я похолодела, не веря услышанному.

– Как вы пробрались мимо Хранительниц?

– Те, кто не узнали о нашем присутствии, почувствовали поцелуй теневика.

– А те, кто узнали? – спросила я, догадываясь, что с ними случилось. – Вы убили Хранительниц?

– Мы сделали то, что нужно.

– Боги, – прошептала я, сдерживая бурлившие во мне гнев и панику. – Они защищали Атлантию. Они...

– Они не были истинными Хранительницами Атлантии, – оборвал он меня. – Иначе они бы убили тебя в тот момент, как ты появилась.

Я скривила губы, стараясь, чтобы мое дыхание оставалось ровным.

– Даже если вы отдадите меня им, как я перестану быть проблемой Атлантии, когда вы вернете меня тем, кто планирует использовать мою кровь для создания новых вампиров?

Он перенес свой вес с руки и выпрямился.

– А они это планируют?

– А что еще они могут планировать? – возмутилась я.

Вдруг я вспомнила слова герцогини Тирман в Пределе Спессы. Она утверждала, королева Илеана будет в восторге, когда узнает, что я вышла замуж за принца. Что я смогу сделать то, что так и не удалось ей – уничтожить королевство изнутри. Я выкинула эти слова из головы, пока они не стали подтверждением представлений Аластира обо мне, будто я представляю угрозу. Герцогиня Тирман перед смертью наговорила немало лжи, начиная с того, что королева Илеана – вампирша, неспособная иметь детей, – моя бабушка. Еще она утверждала, что Тони прошла Вознесение с помощью крови принца Малика. В это я тоже не могла поверить.

Мгновение Аластир молча смотрел на меня.

– Ну же, Пенеллаф. Ты правда думаешь, Вознесшиеся почти девятнадцать лет не догадывались, что в их руках находится потомок Никтоса? Или даже дольше?

Йен.

У меня перехватило дыхание. Он говорит о Йене.

– Мне сказали, что Йен стал Вознесшимся.

– Но наверняка это неизвестно.

– Но вы думаете, что королева Илеана и король Джалара знали, что мы потомки Никтоса?

Он ничего не ответил, и я подавила желание броситься на него.

– Это знание что-нибудь меняет?

– Они могли использовать тебя, чтобы делать новых вампиров, – согласился Аластир. – Или они знали, на что ты способна. Знали, что о тебе написано, и планировали использовать тебя против Атлантии.

У меня упало сердце. Идея отдать меня Вознесшимся представлялась мне ужасной. Но использовать меня против Атлантии, против Кастила?

– Тогда позвольте спросить снова: как я больше не буду проблемой Атлантии, если они?..

Я отшатнулась к стене, округлив глаза.

– Погодите. Вы сказали, что очень немногие знали, на что способен Малек, и что мой дар подобен его силе. Король и королева могли предположить, что в нас с Йеном течет кровь бога, но откуда они знали нашу родословную? – Я подалась вперед насколько смогла. – Вы работали на Вознесшихся?

Он сжал губы в тонкую линию.

– Некоторые Вознесшиеся уже жили, когда правил Малек.

– К тому времени как Джалара разбил атлантианцев при Помпее, Малек уже не сидел на троне, – сказала я. – Более того, ему удалось держать большую часть атлантианцев в неведении относительно его способностей и того, от кого он произошел. А какой-то Вознесшийся знал? Причем тот, которому удалось пережить войну? Потому что это наверняка не был Джалара или Илеана. Они прибыли с Водинских островов, где, готова поспорить, они и вознеслись.

Я скривила губы от отвращения.

– Вы утверждаете, что являетесь истинным Защитником Атлантии, но вы состоите в заговоре с ее врагами. Людьми, которые держали в плену обоих ваших принцев. Людьми...

– Это не имеет никакого отношения к моей дочери, – перебил Аластир, и я сжала губы. – Все, что я делал, я делал ради короны и королевства.

Короны? У меня в груди разливался ужасающий холод, пока я пыталась прийти в себя от новых и новых открытий. Я открыла рот и закрыла прежде, чем задать вопрос, ответ на который, я была уверена, не хочу знать.

– Что? – спросил Аластир. – Не стоит сейчас разыгрывать тихоню. Мы оба знаем, что ты не такая.

У меня напряглись плечи, когда я подняла на него взгляд.

– Знали ли родители Кастила, что вы собирались это сделать? – Они сражались в храме, но это могло быть лишь представлением. – Так они знали?

Аластир пристально смотрел на меня.

– Это имеет значение?

Имеет.

– Да.

– Они об этом не знают, – сказал он. – Может, они предполагали, что наше... братство опять восстало, но они не приложили к этому руку. Им не понравится, что я в этом замешан, но, полагаю, они согласятся с тем, что это было необходимо. – Он резко вдохнул и откинул голову назад. – А если не согласятся, то они тоже будут расценены как угроза.

Я округлила глаза.

– Вы... вы устраиваете переворот.

Он метнул на меня взгляд.

– Нет. Я спасаю Атлантию.

– Вы спасаете Атлантию, сотрудничая с Вознесшимися, подвергая народ королевства еще большей опасности, и вы свергнете короля с королевой или сделаете с ними что-то похуже, если они не согласятся с вашими действиями? Это переворот. И государственная измена.

– Только в том случае, если клянешься в верности тем, на ком лежит корона, – возразил он. – И я не думаю, что до этого дойдет. Элоана и Валин знают, что порой ради защиты Атлантии приходится совершать самые неблагоприятные поступки.

– И вы полагаете, что Кастил с ними согласится? – возмутилась я. – Что после того, как вы передадите меня Вознесшимся, он смирится и будет жить дальше? Что он женится на вашей внучатой племяннице после того, как ваша дочь...

Я осеклась прежде, чем сказал, что на самом деле совершила Ши. Сдержалась не ради него. Боги, нет. Во мне горело дикое желание увидеть его лицо после того, как он узнает, что сделала его дочь, но я остановилась из уважения к Кастилу – к тому, что ему пришлось сделать.

Аластир смотрел на меня, стиснув челюсти.

– Ты была бы хороша для Кастила, но ты никогда не стала бы моей дочерью.

– Проклятье, как откровенно, – отозвалась я, вжимая ногти в ладони. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы не закричать. – Кастил выбрал меня. Он не собирается идти на попятную и жениться на вашей внучатой племяннице или другой родственнице, которую вы ему предложите. Вы добьетесь лишь того, что он будет рисковать собственной жизнью и будущим Атлантии. Потому что он придет за мной.

Бледные глаза встретились с моими.

– Не думаю, что до этого дойдет.

– Вы тешите себя иллюзиями, если так считаете.

– Я не о том, что он откажется от тебя. Я просто не думаю, что у него будет возможность попытаться тебя спасти.

Я оцепенела.

– Если вы ему навредили...

– Ты ничего не сделаешь, Пенеллаф. Ты не в том положении, чтобы что-то суметь, – указал он, и я подавила крик ярости и разочарования. – Но я не собираюсь вредить принцу. И молю богов, чтобы до этого не дошло.

– Тогда что?.. – Вдруг до меня дошло. – Вы думаете, что Вознесшиеся убьют меня?

Аластир промолчал.

– Вы ошибаетесь. – Я откинула голову назад, к стене. – Я нужна Вознесшимся. Им нужна атлантианская кровь.

– Скажи, Пенеллаф, что ты сделаешь, когда попадешь к ним в руки? В тот момент, когда тебя освободят от оков? Ты бросишься на них, не так ли? Убьешь столько, сколько сможешь, чтобы освободиться и вернуться к принцу.

Он был прав.

Я убью всех и каждого, кто встанет между мной и Кастилом, потому что мы заслужили быть вместе. Мы заслужили будущее, возможность узнавать секреты друг друга. Любить друг друга. Мы заслужили просто... жить. Я пойду на все ради этого.

Аластир продолжал наблюдать за мной.

– И как ты думаешь, что Вознесшиеся ценят превыше власти? Выживание. У них не будет таких костей, чтобы сдерживать тебя. И если они решат, что не могут тебя контролировать, сочтут тебя большой угрозой, они покончат с тобой. Но прежде чем это случится, могу представить, что ты забереешь с собой немало Вознесшихся.

Мне стало нехорошо. Я заставила руки расслабиться.

– Хотите разом убить двух зайцев?

Он кивнул.

– Даже если вам это удастся, ваш план все равно провалится. Думаете, Кастил не узнает, что вы и другой так называемый Защитник отдали меня им? Что вольверы не узнают?

– Риск мятежа есть, – признал он. – Но небольшой. Мы постараемся их убедить, что ты сбежала из плена и попала в руки Вознесшихся. Они никогда не узнают, что это мы отдали тебя им. Они обратят свой гнев на Вознесшихся, как и должно быть. Все Вознесшиеся будут убиты, и все, кто их поддерживает, падут вместе с ними. Атлантия вернет то, что нам принадлежит. Мы снова станем великим королевством.

Что-то в том, как он говорил, подсказывало, что, будь у меня возможность воспользоваться своим даром, я бы почувствовала от него гордость и высокомерие. А еще у меня сложилось впечатление, что я ощутила бы в нем жажду большего. Я ни секунды не верила, что его единственный мотив – спасение Атлантии. Учитывая, что его план подвергает королевство еще большему риску. И, вероятно, послужит его собственной выгоде, если он выживет.

– У меня есть вопрос, – произнесла я, а мой пустой желудок заворчал. Аластир выгнул бровь. – Что будет с вами, если королем станет Малик или Кастил? Вы останетесь советником?

– Советником будет тот, кого выберет король или королева. Обычно советником становится связанный узами вольвен или доверенное лицо.

– Другими словами, это будете не вы?

Аластир промолчал, и я поняла, что наступила на большую мозоль.

– То есть ваше влияние на корону – и на Атлантию – сильно уменьшится или будет потеряно?

Он все так же молчал.

И поскольку за вольвенов говорит Джаспер, то что останется Аластиру? И какой власти он хочет?

– К чему ты клонишь, Пенеллаф?

– Я росла среди правителей и других Вознесшихся и в юном возрасте узнала, что дружба и знакомство, все вечеринки и званые ужины и все приглашения на них; каждый брак, устроенный королем и королевой, – все это делается из особых соображений. Каждый выбор и решение принимаются ради укрепления власти и влияния или их достижения. Я не думаю, что так поступают только Вознесшиеся. Я видела то же самое и среди богатых смертных. Я видела это в королевской гвардии. Сомневаюсь, что вольвены или атлантианцы слеплены из иного теста.

– Некоторые – нет, – заверил Аластир.

– Вы видите во мне угрозу из-за моей крови и из-за того, на что я способна. Но вы даже не дали мне шанса доказать, что я не просто результат того, что творили мои предки. Вы можете судить меня по тому, что я сделала, защищая себя и тех, кого люблю, но я не жалею о своих действиях. Может, вы неспособны чувствовать первозданный нота, но если планировали для Кастила брак с вашей внучатой племянницей, чтобы объединить вольвенов и атлантианцев, то не понимаю, почему бы вам не поддержать наш союз. Дать нам возможность усилить корону и Атлантию. Но это не все, чего вы хотите, ведь так?

Он продолжал пристально смотреть на меня. Его ноздри раздувались.

– Отец Кастила хочет возмездия, как и вы. Верно? За то, что они сделали с вашей дочерью. Но Кастил не хочет войны. Вы это знаете. Он пытается спасти жизни, даже возвращая земли. Как он сделал с Пределом Спессы.

Именно это планировал Кастил. Мы будем торговаться за земли и освобождение принца Малика. Я найду своего брата и разберусь с тем, во что он превратился или не превратился. Король Джалара и королева Илеана не останутся на троне, даже если согласятся на все условия Кастила. Их оставлять нельзя. Он убьет их за то, что они делали с его братом и с ним самим. Как ни странно, эта идея больше не вызывала во мне противоречивых чувств. Мне по-прежнему было трудно соединить королеву, которая заботилась обо мне после смерти моих родителей, с той, которая мучила Кастила и бесчисленное множество других. Но я повидала довольно, чтобы знать: ее отношение ко мне не загладит ужасы, которым она подвергала других.

Но если Аластир добьется своего, этот план никогда не воплотится в жизнь.

– То, что он сделал с Пределом Спессы, впечатляет, но этого недостаточно, – заявил Аластир ровным тоном. – Даже если мы сможем вернуть другие земли, этого будет недостаточно. Король Валин и я хотим видеть, как Солис заплатит не только за наши личные утраты, но и за то, что Вознесшиеся сделали со многими нашими сородичами.

– Это понятно.

Тяжело было сознавать, кем, возможно, стал Йен. Но постигла ли такая же участь и Тони – мою подругу, которая была так добра, полна жизни и любви? Если ее обратили в Вознесшуюся, как утверждала герцогиня Тирман, мне будет трудно отказаться от желания предать Солис огню.

– Итак, вы не поддерживаете план Кастила. Вы хотите крови, но, что важнее, вы хотите влияния, чтобы добиться желаемого. И вы видите, как власть ускользает между ваших пальцев, хотя я еще не заявила притязаний на корону.

– Не имеет значения, хочешь ты корону или нет. Пока ты жива, она твоя. Твоя по праву рождения, и вольвены позаботятся, чтобы она стала твоей.

Аластир говорил о своем народе так, словно он сам больше не вольвен. Возможно, он и не чувствовал себя одним из них. Я не знала, и меня это не волновало.

– Твоя и Кастила, – добавил он. – И не имеет значения, что ты так же ненавидишь эту ответственность, как и принц.

– Кастил не ненавидит ее. Я уверена, что он за свою жизнь сделал для народа Атлантии больше, чем вы с тех пор, как нарушили клятву Малеку, – рассерженно бросила я в ответ. – Он просто...

– Отказывается верить, что его брат безвозвратно потерян, и, следовательно, отказывается принять трон – что было бы в интересах Атлантии. – На его лице дрогнула мышца. – Так что об интересах королевства должен позаботиться я.

– Вы? – рассмеялась я. – Вы действуете только в собственных интересах. Ваши мотивы далеки от альтруизма. Вы ничем не отличаетесь от любого другого, кто жаждет власти и мести. И знаете что?

– Что? – рявкнул он. Его внешнее спокойствие дало трещину.

– Ваш план провалится.

– Ты так думаешь?

Я кивнула.

– И вы погибнете. Если не от моей руки, так от руки Кастила. Он убьет вас. И он не станет вырывать у вас сердце из груди. Это было бы слишком быстро и безболезненно. Он заставит вас помучиться.

– Я готов принять последствия своих поступков. – Он вскинул подбородок. – Если мне суждена смерть, то так тому и быть. Главное, что Атлантия будет в безопасности.

Его слова обеспокоили бы меня, если бы я не заметила, как он сжал губы и как сглотнул. И тогда я улыбнулась, как улыбалась, глядя на герцога Тирмана.

Аластир вдруг поднялся.

– Мой план может провалиться. Это возможно. Я был бы глупцом, если бы не учел этого. И я учел. – Он уставился на меня. – Но если он провалится, ты не будешь свободна, Пенеллаф. Я предпочту войну среди своего народа, чем увидеть на твоей голове корону и позволить обрушиться на Атлантию.

* * *

То ли мужчина, то ли женщина в бронзовой маске Последователя принес мне еду. Поднос был поставлен в пределах моей досягаемости, и человек быстро удалился, не произнеся ни слова. Мне оставалось лишь гадать, не сыграли ли роль в том нападении на Ритуал Аластир или эти Защитники. Кастил не отдавал приказа именем Темного, но атака была хорошо спланирована и организована. Кто-то устроил пожар, чтобы отвлечь как можно больше королевских гвардейцев – об этом вполне мог позаботиться Янсен.

Я стиснула челюсти, глядя на кусок сыра и ломоть хлеба, завернутые в ткань, и стакан воды. Когда Кастил узнает, что его предал не только Аластир, но и Янсен, его гнев будет беспощадным.

А его боль?

Она будет такой же жестокой.

А что чувствовала я, когда думала о причастности Аластира к гибели моих родителей? Ярость жгла мне кожу. Он находился там. Пришел помочь моей семье и вместо этого предал нас. Он сказал, что мои родители знали правду о Вознесшихся. Очевидно, когда эта правда им открылась, они и решили сбежать. Вовсе не значит, что они знали долгие годы и ничего не делали.

А моя мама? Прислужница? Если это правда, почему она не дала отпор той ночью?

Или я не помнила, что она сражалась?

Я столько не могла вспомнить о той ночи, и не могла определить, что произошло на самом деле, а что лишь снилось мне в кошмарах. Вряд ли я что-то забыла. Может, блокировала память, потому что боялась этого? Что еще я забыла?

В любом случае понятия не имела, были ли прислужницы королевы ее телохранительницами или нет. И не верила, что той ночью присутствовала еще тьма, кроме Аластира. Извращенное представление о чести и справедливости мешало ему признаться в том, что он сделал. Он привел к нам Жажущих и потом бросил на постоялом дворе умирать. И все потому, что во мне течет кровь богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.